

МАСТЕРА УЖАСОВ

18+

НЕЙТАН БАЛЛИНГРУД

РАНЫ

ЗЕМЛЯ МОНСТРОВ

Нейтан Баллингруд

Раны. Земля монстров

Серия «Мастера ужасов»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63996266
Раны. Земля монстров: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-120882-0

Аннотация

Это истории о монстрах, истории о поисках иных измерений, шокирующие и необычные, странные и откровенно жуткие. Это полное собрание рассказов Нейтана Баллингруда, творчество которого сравнивают как с работами Клайва Баркера, так и Реймонда Карвера. Здесь полярники находят расселину, ведущую в мир, достойный воображения Лавкрафта, бармен находит у себя на работе забытый клиентом телефон и тем самым превращает свою жизнь в настоящий кошмар, в обыкновенном городке открывается проход в ад, а вампиры, мертвецы и демоны проводят ярмарку с самыми неприятными последствиями для простых смертных. Здесь строители сталкиваются с оборотнем, мальчик хочет заключить договор с вампиром, и любой контакт с непознанным и страшным приводит к самым неожиданным последствиям. Парадоксальные и непредсказуемые, зловещие и потрясающие своим психологизмом – все это истории Нейтана

Баллингруд, одного из самых талантливых и необычных писателей, работающих сейчас в жанре хоррора.

Содержание

Раны. Шесть историй с границы ада	6
Атлас ада	7
Сатанист	46
Черепушка	71
Чрево	123
1	123
2	129
3	136
4	141
5	144
Зримая Скверна	146
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Нейтан Баллингруд

Раны. Земля монстров

Nathan Ballingrud

WOUNDS

Wounds © Nathan Ballingrud

North American Lake Monsters © 2013, Nathan Ballingrud

© Анастасия Колесова, перевод, 2020

© Роман Демидов, перевод, 2020

© Валерий Петелин, иллюстрация, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Раны. Шесть историй с границы ада

Посвящается Миш

Сейчас ты на важнейшем распутье в жизни.

И любая дорога приведет тебя в странные края.

Майк Миньола. Хеллбой. Третье желание

Атлас ада

– Он не понимает, что уже мертв. Я только что прострелил этому парню череп, а он продолжает трепаться. Все говорит мне, что работает на большую шишку и я точно пожалею о том, что появился на свет. И тому подобное. Все его лицо залила кровь. Глаза тоже, так что он ни хрена не видит. Потому-то я смотрю на ствол в руке и думаю: «Какого черта? Работать будем?» А еще думаю: может, этот засранец все-таки прав, и все это мне не по зубам. То есть чувствую, как подкрадывается настоящий страх. И волосы встают дыбом – словно у мультяшки. Потому-то я смотрю на этого парня и говорю: «Падай! Ты мертв! Я тебя застрелил!»

Перед ним на журнальном столике стоит бурбон со льдом. Он делает глоток, затем ставит стакан обратно, на круглый мокрый след. Ровно на то же самое место.

– Знаешь, кажется, он ждал приказа, потому что, как только я это сказал, что? Правильно, бум! Он падает будто подкошенный.

Не знаю, какой реакции он ждет. От нервов у меня начинает дергаться нога, и я не могу ее унять. Я открываю рот, хочу что-то сказать, но вместо слов вылетает нервный смешок.

Он смотрит на меня с удивлением и чуть склоняет голову. Патрик – здоровый парень, но не рыхлый, как я. Под кожей

у него не жир, а мышцы. Можно подумать, что шматы мяса сшили вместе и запихали в одежду.

– Что смешного?

– Не знаю. Я думал, ты анекдот рассказываешь.

– Ты совсем чокнутый? Это был не анекдот, ублюдок.

На часах почти полночь, мы сидим на забрызганном кофе диване в темном углу моего грязного книжного магазина в Новом Орлеане, расположенного примерно в квартале от Мэгэзин-стрит. Меня зовут Джек Олеандр. Я живу в однокомнатной квартире над магазином, но, когда полчаса назад Патрик заколотил в дверь, я решил, что нам лучше остаться внизу. Не хочу, чтобы он вторгся в мое личное пространство. Ведь то, что он пришел, – уже плохой знак.

Моя лавка называется «Книжный магазин Олеандра». По большей части, я продаю подержанные книги своей немногочисленной клиентуре: студентам и мятежной молодежи, опьяненной любовью к Кьеркегору или Сэлинджеру. Такой расклад дел мне по душе. Многие книги стоят на полках годами, и кажется, что в каком-то смысле мы сроднились. Когда одна из них покидает родное гнездо, становится даже немного жаль.

Кормит меня, конечно, не магазин. А книги и документы, которые я продаю в подсобке. О ней мало кто знает, но те, кто в курсе, платят очень даже неплохо. Юджин, босс Патрика, как раз из тех, кто знает. Наши пути разошлись при не самых приятных обстоятельствах около года назад. Я надеялся, что

больше никогда его не увижу. Присутствие Патрика вселяет страх, а от страха я становлюсь безрассудным.

– Что же это, если не анекдот? Мы уже двадцать минут распиваем бурбон, а ты и не начал говорить о деле. Если хочешь поговорить по душам, давай в другой раз.

Он бросает на меня сердитый взгляд и снова берется за стакан, разглядывая кружащийся в жидкости лед. Он всегда меня ненавидел, так что ему этот визит тоже не доставляет особой радости.

– Нелегко быть твоим другом, – говорит он.

– Не знал, что мы друзья.

Он стиснул зубы.

– Ты тратишь мое время, Патрик. Ты лишь громила, так что, может, до тебя не доходит, но работа в подсобке отнимает много энергии. Сон – очень ценный ресурс. А ты трастишь его, вот уже полчаса сидишь на моем диване, пьешь мой виски и расхаживаешь вокруг да около. Не знаю, сколько еще я выдержу.

Услышав это, он переключается на рабочий режим, и эта перемена – обычно последнее, что видят люди перед смертью. Замечательно, именно этот режим мне и нужен. Теперь он сосредоточен. Осталось не довести все до насилия. Таких, как он, надо осторожно дергать за ниточки. В свое время у меня это неплохо получалось.

– Ты бы следил, – говорит он, – за выражениями.

Я поднимаю руки, показывая ладони:

– Патрик.

– Я пришел к тебе с миром. И уважением.

Это все чушь собачья, но уже плевать. Пора его успокоить. Какие же эти мачо хрупкие цветочки.

– Патрик. Извини. Правда. В последнее время я почти не сплю. Устал, потому и делаю глупости.

– Это недостаток. Просыпайся уже и слушай меня внимательно. Я рассказал тебе эту историю по двум причинам. Первая – чтобы ты перестал болтать всякую тупую хрень вроде той, что только что сказал. И чтобы вспомнил, с кем имеешь дело. Вижу, не вспомнил. Вижу, что слишком тонко намекнул.

– Серьезно, Патрик. Я...

– Если снова меня перебежешь, сломаю тебе правую руку. Вторая причина, по которой я рассказал эту историю, – дать тебе понять, что я в жизни много чего повидал. Чтобы ты, когда я скажу, что случившееся пугает меня до усрачки, просто сел и, мать твою, внимательно послушал, о чем я толкую.

Он замолкает и пристально смотрит на меня. Через несколько секунд я понимаю, что можно начинать отвечать.

– Я весь внимание. То, что ты собираешься мне рассказать, связано с Юджином?

– Ты знаешь, что да. Иначе зачем мне тащиться сюда?

– Патрик, расслабься. Извини, что разозлил. Еще стаканчик? Давай налью тебе еще стаканчик.

Я вижу, как в его глазах сверкает гнев, и начинаю подо-

зреть, что в этот раз слегка перестарался. Не знаю, смогу ли от него убежать.

Но он откидывается на спинку дивана и расплывается в улыбке. Выглядит очень неестественно.

– Надо же, а ты за словом в карман не лезешь. И как тебя такого еще не отделали?

Он встряхивает лед в стакане.

– Давай, вперед. Плесни мне еще. Выкурим трубку мира.

Я наливаю нам еще одну порцию. Он опустошает стакан одним медленным залпом и снова протягивает его мне. Я снова наливаю. Кажется, он расслабляется.

– Ладно, начнем. Есть один парень. Гадкий мелкий ловчила по имени Тобиас Джордж. Он из тех крыс, что вечно ползают по городу, лезут во всякое дерьмо, поганят себе жизнь, а ты их даже не замечаешь. Понимаешь, да?

– Да.

Мне знакомо имя, но ему я об этом не говорю.

– Единственная причина, почему мы про него знаем, – потому что обычно он проворачивает свои делишки, отстегирует процент Юджину, и все счастливы. Но тут у этого гаденыша случается приступ амбициозности. Он грабит казино Юджина и сбегает с кучей денег. Чистое самоубийство. Кто знает, что нашло на этого парня? Может, какая заветная мечта засела шилом в заднице. Так вот, мы выходим на его поиски, но он исчезает. Получаем сообщение, что он ушел на юг и залег на болотах. Не где-то в порту Форшон, а в пря-

мом смысле где-то на болотах в гребаной лодке. Юджин в ярости, но ты сам знаешь: побесится, покричит пару дней, а потом пошлет все к чертовой матери. Ради крысы бороться с аллигаторами? Через какое-то время мы просто решили, что он сгинул навсегда. Ну, понимаешь, да?

– Но он не сгинул.

– Точно. Мы пронюхали о нем через пару месяцев. Теперь он подался в другую степь. Продает артефакты из Ада и зарабатывает на этом кучу денег.

– Всего лишь очередная афера, – говорю я, прекрасно осознавая, что это не так.

– Не афера.

– Откуда тебе знать?

– Не бери в голову. Главное – мы знаем.

– Украл деньги и сбежал. Это больше по твоей части, Патрик.

– Это тоже не бери в голову. Когда придет время, я сделаю свою работу. Не буду вдаваться в подробности, потому что это неважно, так что, если кратко, то Юджин хочет включиться в игру. Он не желает терять рынок, после того как Тобиас окажется в земле. Нам известно, что у подонка есть книга, с помощью которой он достает товар. Атлас. Он нужен нам, и мы хотим знать, как он работает. А это уже по твоей части, Джек.

Я чувствую, как все внутри сковывает холод.

– Мы так не договаривались.

– Что я могу тебе сказать?

– Нет. Я...

В горле пересохло. Нога снова задержалась.

– Юджин сказал, что мы больше не сотрудничаем. Он лично мне это сказал. А теперь нарушает данное обещание.

– Опять твоя болтовня.

Патрик опустошает стакан и встает с дивана.

– Поехали. Скажешь ему это лично, посмотрим, как пойдет.

– Сейчас? Посреди ночи?

– Не волнуйся, ты его не побеспокоишь. В последнее время он почти не ложится.

* * *

Я всю жизнь провел в этом городе. Был типичным толстым белым сопляком из приличной семьи, которому уготовано безрадостное капиталистическое рабство. Но в какой-то момент сбился с пути: меня соблазнили старые книги. И мне захотелось прожить свою жизнь в тумане пергаментной пыли и старого клея. Я поступил в ученики к переплетчику, скрюченному старику-каджуну по имени Рене Оквин, оказавшемуся некромантом в прошлом, для которого переплетение старых гримуаров было источником дополнительного заработка. Я кое-чему у него научился и в результате получил должность библиотекаря в Академии Урсулинок. А

когда Юджин и его люди решили влезть в бизнес, из-за чего случилось кровавое столкновение с сектантами, одержимыми Свитком Дамокла, я уволился из Академии и начал карьеру книжного вора. Проработал на Юджина пять лет, прежде чем наши пути разошлись. Когда я ушел, мы оба понимали, что больше не встретимся.

У Юджина есть бар в Мид-сити: там нет магазинов одежды, притонов фетишистов или сборищ готов, как во Французском квартале, как нет и представительного внешнего лоска Центрального делового района и района Гарден. В Мид-сити можно делать все, что захочешь. Патрик едет вдоль канала, затем паркуется перед домом. Он ведет меня на крыльцо и внутрь, где нас встречает порыв прохладного воздуха, принося облегчение от жары, которая не ослабевает даже ночью. Музыкальный автомат крутит избитую композицию, а за барной стойкой гнездятся четыре или пять призрачных фигур. Ни одна из них не оборачивается, когда мы проходим мимо. Патрик ведет меня вниз, в кабинет Юджина.

Я еще не достиг последней ступени, а Юджин уже приветствует меня.

– Привет, толстяк! А вот и наш толстяк! – Он выходит из-за стола с распростертыми объятиями.

Моделью с обложки его тоже не назовешь. Остатки седых волос тянутся длинными тонкими зачесанными линиями по всему черепу. От алкоголя поплыло лицо. Грудь кажется

вдавленной, будто что-то внутри сломалось и тело проваливается внутрь себя. Он приветственно кладет руку на плечо, и я стараюсь не вздрогнуть.

– Ты только посмотри. Только посмотри на себя. Хорошо выглядишь, Джек.

– Ты тоже, Юджин.

Его офис чистый и прибранный. Письменный стол и несколько мягких стульев, а у дальней стены, под огромной картиной Михалопулоса, стоит диван. Напротив стола – мини-бар и дверь, ведущая в переулок. Позади него маски для карнавала Марди Гра расставлены так, что кажется, будто духи собрались на консилиум. Юджин – детище Нового Орлеана до мозга костей, и покупается на любую ничтожную ложь, которую город про себя рассказывает.

– Слышал, у тебя теперь есть девчонка. Как там ее, Локи? Ликми?

– Лакшми.

Уже на этих словах мне становится не по себе.

– Да ладно тебе, Юджин. Давай не будем об этом.

– Ты смотри как приказывает. Какой самостоятельный и взрослый. Патрик не причинил тебе никаких неудобств? Его иногда заносит.

Патрик даже не моргает. Он выполнил свою роль и теперь превратился в статую.

– Нет. Совершенно никаких. Прямо как в старые добрые времена.

– Надеюсь, не в точности как в старые добрые времена.

Он усаживается за стол и жестом приглашает меня присесть. Патрик подает выпивку и отступает за мою спину.

– Я просто не понимаю, зачем понадобился тебе, Юджин. Тебе не заплатили. Но ведь для таких случаев ты держишь своих ребят.

Юджин откидывается на спинку стула, делает глоток и изучающе смотрит на меня.

– Не валяй дурака, Джек. Хорошо? Не притворяйся, что не знаешь о Тобиасе. Не обесценивай работу моих информаторов.

– Да, я знаю о Тобиасе, – признаюсь я.

– Расскажи, что знаешь о нем.

Я никак не могу сесть поудобнее. Кажется, что на груди висят оковы. Я делаю последнюю попытку:

– Юджин. У нас был уговор.

– У тебя что, проблемы со слухом? Мне повторить громче?

– Он начал продажи два месяца назад. У него был камень размером с теннисный мяч, но тяжелее, чем телевизор. Все думали, что он трепло, смеялись над ним. За камень он выручил небольшие деньги, совсем чуть-чуть. Но кто-то пронюхал об этом. Пошли слухи. После этого он выставил на продажу пятисантиметровый кусок обугленной кости. И выручка за него была намного больше.

– Эту кость купил я.

– О, черт.

– Знаешь почему?

– Нет, Юджин. Откуда мне знать?

– Не забывайся. Я не могу знать, что тебе известно, а что нет. Ты – скользкий кусок грязи, Джек. Ты – человек-таракан. Я не могу тебе доверять. Так что не умничай.

– Извини. Я совсем не это имел в виду.

– У него хватило наглости связаться со мной напрямую. Он хотел лично сказать, что собрался продавать. Поставил меня в приоритет. Это мой сын, Джек. Эта кость – часть бедренной кости моего сына.

Я осознаю, что перестаю понимать происходящее. Кровь прилила к голове, и все вокруг завертелось. Я сжимаю подлокотники стула, чтобы найти хоть какую-то опору.

– Откуда... Откуда ты знаешь?

– Спросил у знающих людей. Хватит глупых вопросов. Я не в настроении выслушивать твои глупости.

– Хорошо.

– Ты занимаешься книгами и поэтому здесь. Мы отследили его до старой лачуги на болотах. Ты поедешь туда за книгой.

Меня охватывает паника:

– Ты хочешь, чтобы я поехал туда?

– Патрик поедет с тобой.

– Я таким не занимаюсь, Юджин!

– Черта с два! Ты же вор и постоянно этим занимаешься.

Патрику не под силу прочесть даже дешевый журнал. Так что ты едешь.

– Так пусть он привезет книгу сюда! Какой мне смысл ехать?

Юджин пристально смотрит на меня.

– Ну же, Юджин. Ты дал слово.

Я не успеваю среагировать на движение Патрика. Он хватает меня за шею и прикладывает головой о стол с такой силой, что под скулой трескается пепельница. Стакан падает из рук, и я слышу, как лед глухо стучит по ковру. Патрик не дает мне подняться и свободной рукой обхватывает горло. Я не могу дышать.

Юджин наклоняется, сложив руки за спину, будто рассматривает любопытный и в то же время слегка отвратительный экспонат.

– Хочешь увидеть его? Хочешь увидеть моего сына?

Я похлопываю Патрика по руке, думая о том, как это странно и интимно. Я качаю головой. И пытаюсь подобрать слова. Перед глазами все плывет, мир начинает закручиваться темной пружиной.

Наконец Юджин говорит:

– Отпусти его.

Патрик меня отпускает. Я соскальзываю со стола и больно приземляюсь на пол; вместе со мной падает разбитая пепельница, осыпая меня пеплом и окурками. Задыхаясь, я валюсь на бок.

Юджин кладет руку мне на плечо.

– Джек, ты в порядке? У тебя всё в порядке? Поднимайся. Не знал, что ты такая истеричка. Вставай уже, мать твою.

Через несколько минут, когда я наконец усаживаюсь обратно, Патрик протягивает платок, чтобы я вытер с лица кровь. Я не смотрю в его сторону. И ничего не могу сделать. Соппротивление бесполезно.

– Когда мы отправляемся? – спрашиваю я.

– Да гори оно все синим пламенем, – решает Юджин. – Выезжаете прямо сейчас.

* * *

Рассвет встречает нарастающей жарой и медленным потоком света, проникающим сквозь кипарисы и висящие бороды мха, пока мы на катере на воздушной подушке рассекаем болота в добрых пятидесяти километрах от Нового Орлеана. Мы с Патриком сидим на носу, пока старик, чья кожа похожа на дубленую шкуру животного, везет нас по ему одному видимому пути. Наше движение нарушает покой местной фауны: я то и дело вздрагиваю от очередного сильного всплеска то змеи, то черепахи, то ондатры. И представляю, как вслед за нашей лодкой скользит два десятка аллигаторов, отслеживая движение желтыми рептилоидными глазами. Катер огибает рощу деревьев и выходит на водную поляну, и я бы не удивился, если бы увидел бронтозавра, пробирающегося по

мелководью.

Но вместо этого вижу ряд огромных дрожащих пурпурных цветков, в каждом из которых белеет человеческое лицо с разинутым ртом и слепыми глазами с бельмами. Потрясенный их видом, я не могу вымолвить ни слова; наш проводник не сводит взгляда с горизонта, словно отказывается признавать происходящее необычным. Глаза насажены на стебли камыша; меж ветвей деревьев тянутся огромные воздушные змеи из плоти; легкий ветерок подхватывает одного из них, и тот безмятежно скользит по воздуху, пока не совершает мягкую посадку на поверхность воды, складывает крылья и исчезает во мраке глубины.

Наш проводник указывает вперед, и я вижу лачугу: небольшая однокомнатная архитектурная катастрофа на коротких сваях, расположенная на опасном берегу и нависающая над водой. Маленькая лодочка привязана к переднему крыльцу, которое служит причалом. Кажется, только по воде сюда и можно добраться. Или выбраться. Грязный флаг Конфедерации висит в дверном проеме вместо двери. Мгновение спустя он отлетает в сторону, и в проеме появляется человек в одних шортах, цепляющихся за узкую талию, – вот и Тобиас Джордж. Под кожей у него одни хрящи да кости. Лицо ничего не выражает, пока мы скользим по воде к причалу.

Патрик встает еще до того, как мы швартуемся, несмотря на предостережение проводника. Одну руку он держит на бедре, словно Вашингтон, переправляющийся через Де-

лавэр. И только собирается высказать крепкое приветствие, как нос катера бьется о причал; Патрик начинает размахивать руками подобно мельнице и чудом не падает в болото.

Тобиас никак не реагирует на происходящее, а вот наш проводник не отказывает себе в удовольствии и смеется.

Патрик удерживает равновесие и хватается руками за причал, выползая из лодки, подобно ребенку, который учится ходить. И я благодарю Бога за то, что мне довелось это увидеть.

Тобиас не собирается нам помогать.

Я осторожно вылезаю следом.

– Жди нас здесь, – говорю я проводнику.

Он кивает, глушит мотор и выуживает из кармана рубашки пачку сигарет.

– Зачем приехали? – спрашивает Тобиас.

Он еще ни разу на меня не взглянул. Его взгляд прикован к Патрику: он знает, что с Патриком шутки плохи.

– Сумасшедший ты ублюдок, Тобиас. Что ты, черт возьми, творишь?

Тобиас поворачивается и исчезает в лачуге, флаг Конфедерации закрывает проход.

– Заходите, что уж.

Мы заходим. Внутри еще жарче. Воздух застоялся: кажется, что помещение не проветривали лет двадцать, а еще здесь несет марихуаной. Дрейфующие пылинки видны в лучах света, идущих от окна, прикрытого потрепанной и заля-

панной тушками насекомых пластиковой заслонкой. В комнате почти нет мебели: одна-единственная кровать с матрасом слева у стены, дешевый раскладной стол, складной пластиковый стул и комод. Рядом с кроватью стоит походная плита с маленькой кастрюлькой и несколько банок технического спирта для разогрева. На столе лежит кучка тускло-зеленых окурков, несколько пачек сигаретной бумаги и зажигалка.

В задней стене есть еще одна, плотно закрытая дверь. Стоило сделать к ней несколько шагов, как я сразу понимаю, что за ней не ждет ничего хорошего. По мере приближения воздух портится, оседая в горле скверной сальной пленкой, всасывающейся в плоть. Жестокие фантазии наливаются в коре мозга подобно грозди опухолей. Я стараюсь не подавать виду, что представляю, как выковыриваю глазные яблоки своих собеседников зазубренной ложкой для грейпфрута.

– Не ходи сюда, Патрик, – говорю я.

Не надо, чтобы он видел подобное.

– Что? Почему?

– Поверь мне на слово. Именно за этим ты меня сюда и привез.

Тобиас бросает на меня взгляд, будто наконец понимает цель моего присутствия. И все-таки его сложно разгадать: лицо по-прежнему ничего не выражает.

– Так вы здесь, чтобы убить меня? – спрашивает он.

Патрик уже достал оружие. Но пока целится в пол, не сво-

дя глаз с Тобиаса. Кажется, что-то обдумывает. Я понимаю: что бы ни находилось за этой дверью, оно влияет на него. Грязные маленькие пальчики уже ухватились за мозг Патрика и тянут из него темные мыслишки.

– Тебе решать, – отвечает он. – Юджин хочет поговорить.

– Ага, конечно. Ни за что.

Жестокость оживает и медленно ползет по комнате. Я понимаю, почему Тобиас решил вечно оставаться под кайфом.

– Нам нужна книга, Тобиас, – говорю я.

– Что? Ты кто такой? – Он смотрит на Патрика. – О чем он говорит?

– Ты знаешь, о чем. Неси книгу.

– Нет никакой книги!

Он искренне озадачен, и меня это беспокоит. Не знаю, как скажу Юджину, что не достал книгу. Только я собираюсь спросить, что за дверью в дальней стене, как слышу за спиной скрип дерева, и висящий флаг отплывает в сторону, заливая лачугу светом. Я оборачиваюсь, а испуганный Патрик вскидывает оружие.

Человек в дверном проходе очерчен солнечным светом: он – темный силуэт, черная дыра в пространстве. Высокий и стройный, волосы обрамляют голову языками огня. На мгновение мне кажется, что я чувствую запах гари. Он входит в лачугу, и сразу становится понятно, что с ним что-то не так, хотя трудно объяснить, что именно. Его аура деформирована, и сигналы тревоги, исходящие от нее, доходят до центра

моего мозга. Он делает еще один шаг и ступает в просеянный через окно свет; может показаться, что своим усталым и изможденным видом он ничем не отличается от изъязвленного нищетой деревенского мальчишки, но все же его приближение я чувствую кожей. А еще чувствую, как кривятся губы, и с трудом заставляю себя не показывать отвращения.

– Тоби? – спрашивает он молодым и бесстрастным голосом. Совершенно обычным голосом. – Брат скоро вернется. Что это за люди?

– Привет, Джонни, – отвечает ему Тобиас через мое плечо. Теперь я отчетливо вижу, что он нервничает, и, хотя взгляд остается прикован к Джонни, он излучает напряжение, словно не знает, с какой стороны ждать нападения.

А я знаю.

Патрика и ему подобных страх толкает на низость – таковы их инстинкты. Он стреляет.

Один-единственный раз, но быстро и точно. Патрик – профессионал. Звук выстрела сотрясает воздух лачуги и пуля пробивает череп Джонни еще до того, как я успеваю вздрогнуть от громкого звука.

Я моргаю. В ушах пищит пронзительный звон. Патрик не двигается и стоит в стойке: взгляд направлен вдоль вытянутой руки и ствола, а на лице застыло пустое выражение. Вот его истинное лицо. Тобиас опускается на одно колено, закрыв уши ладонями, и шевелит губами. Кажется, он что-то кричит. Джонни недвижно стоит у дверного проема, будто

пуля, прошедшая через его черепную коробку, имела ту же силу, что и очередное неприятное высказывание. Флаг за его спиной заляпан темными сгустками мозгового вещества.

Он переводит взгляд с Патрика на Тобиаса и что-то говорит. Я едва слышу его из-за звона в ушах.

– Что же мне теперь делать? – спрашивает он.

Я делаю шаг и мягко заставляю Патрика опустить руку.

– Ты что, мать твою, издеваешься? – говорит он, не сводя глаз с Джонни.

– Патрик, – зову я.

– Я, что ли, на хрен, проклят? Seriously? Я прострелил тебе мозги!

Пулевое отверстие в правой скуле Джонни размером с монету в десять центов. Из него струится тонкий ручеек крови.

– Придурок, – отвечает Джонни.

Тобиас встает, разведя руки в стороны, словно пытается разнять двух воображаемых боксеров.

– Ради всего святого, давайте успокоимся!

Он отводит Джонни к кровати, усаживает его на матрас, убирает с лица светлые волосы и исследует след от пули. Затем поворачивает голову, чтобы лучше рассмотреть выходное отверстие.

– Черт побери! – ругается он.

Джонни щупает затылок рукой и говорит:

– Ничего себе.

Я тоже решаюсь посмотреть. Затылка больше нет, и череп

превратился в чашу, заполненную свернувшейся кровью. В каше виднеются маленькие дымящиеся угольки.

– Патрик, – говорю я. – Остынь.

Он все еще не в себе. Я вижу, что он пытается уложить произошедшее в голове.

– Мне нужно убить их, Джек. Нужно. Я никогда не чувствовал ничего подобного. Что происходит?

Тут оживляется Тобиас:

– Я ведь нашел этому парню работу в забегаловке! Что мне теперь делать?!

– Тобиас, сейчас тебе лучше заткнуться, – говорю я не сводя глаз с Патрика. – Патрик, ты слышишь меня?

Мне самому с трудом удается сохранять самообладание. Перед внутренним взором разыгрывается сцена, где я выбираю пистолет из его рук, а затем ударяю его им снова и снова, пока не проломлю череп. Единственное, что удерживает меня от осуществления этого плана, – абсолютная невозможность подобного развития событий.

Как только я задаю вопрос, его стеклянные глаза оживают. Какой бы обрывок импульса человечности ни сподвиг его ответить, что бы ни заставило его ухватиться за проблеск разума, возникший посреди кипящей кровавой бойни в сознании, все исчезает в вялой привычной угрозе.

– Не смей так со мной разговаривать. Я не ребенок.

Я оборачиваюсь. Матрас залит кровью. Тобиас ревностно старается минимизировать ущерб, но я не понимаю, чего он

пытается достичь. Куски мозга собраны в кучку на матрасе – кажется, он вычищает чашу черепа. Джонни сидит с несчастным видом, опустив плечи.

– Я думал, здесь все будет по-другому, – говорит он. – Но всякое дерьмо меня так и преследует.

– Атлас, – требую я.

– Пошел ты, – отвечает Тобиас.

Я шагаю к закрытой двери. Лучше сам узнаю, что за ней, чем буду ждать, пока Тобиас все расскажет. Когда я касаюсь ручки, меня обдает горячей волной эмоций – смесью страха, ярости и жажды расправы. Она сжигает дотла все остатки инстинкта самосохранения. Начинает казаться, что, как только я открою дверь, горнило испустит огненный выдох и испепелит нас всех. Какая-то часть меня надеется на такой исход.

Тобиас кричит:

– Не надо!

Я открываю дверь.

На табурете в пустой комнате размером с чулан лежит обугленный череп, испускающий масляный дым из трещин. Черная плесень, покрывшая табурет, расползается по стенам. Электрический разряд бьет мне прямо в голову. Временное пространство смещается, перепрыгивая между секундами как заевшая пластинка, и весь мир вокруг проигрывается резкими стоп-кадрами. Из черепа сочится речь – вязкий, трескающийся звук, – с таким ломаются кости и пла-

вятся камни. Глаза начинает щипать, и я зажмуриваюсь. Кожа на лице покрывается волдырями.

– *Закрой! Закрой дверь!* – кричит Тобиас, но мне кажется, что он обращается не ко мне. Как будто актер на сцене, произносящий реплики. Из его глаз струится кровь. Патрик расплывается в широкой улыбке, а его глаза похожи на кровавые фары. Он яростно мнет правое ухо, словно выкручивает черенок яблока. Джонни тихо сидит на матрасе, держа в руках кучку собранных мозгов, и раскачивается взад-вперед как расстроенный ребенок. Боль возникает в предплечьях, и я не сразу осознаю, что расковыриваю их ногтями. И не могу остановиться.

Снаружи по болоту проносится звук, похожий на береговую сирену, – глубокий рев в ответ на язык Ада, прозвучавший из чулана.

Тобиас пролетает мимо и с силой захлопывает дверь, чем мгновенно прекращает эффект черепа. Шатаясь, я направляюсь к пластиковому стулу, но не успеваю дойти и падаю, ударяясь плечом о столик и роняя на пол все составляющие самокруток Тобиаса. Патрик со всхлипом выдыхает и приклоняется к стене, прикрывая ладонью истерзанное ухо. Левая часть его лица в крови. Ладонью он трет правый глаз, словно пытается избавиться от соринки.

– Что это, черт возьми, такое?!

Кажется, эти слова произношу я. Хотя не уверен.

– Это твой долбанный Атлас, идиот, – отвечает Тобиас. Он

подходит ко мне, опускается на пол и начинает собирать разбросанные окурки и бумагу. Затем принимается крутить косяк. Его руки здорово трясутся, так что получается не сразу.

– Так это череп? Книга – это череп?

– Нет. Технически – это язык внутри Черепа.

– Какого дьявола?

– Просто заткнись на минуту.

Он доделывает косяк, поджигает его и делает длинную глубокую затяжку. И предлагает мне.

На одну абсурдную долю секунды мне кажется, что мы сидим в общежитии университета. В соседней комнате нет никакого обугленного, разъедающего воздух черепа. Сидящего на кровати с кислым видом парня с раздробленным черепом – тоже. Я смеюсь, хотя не сделал ни одной затяжки.

Тобиас резко выдыхает, наполняя воздух сладким дымом.

– Попробуй, дружище. Я серьезно. Поверь, оно того стоит.

Я верю. И моментально чувствую, как в комнате падает давление. А потрескивание импульса жестокости, которое стало уже привычным, стихло до низкого гудения. Тело возвращается в состояние крайнего испуга, которое после произошедшего ощущается как монастырский покой.

Я предлагаю Патрику присоединиться к нам.

– Нет. Я не травлю себя всяким дерьмом.

Он аккуратно прикасается к уху, пытаясь оценить степень повреждения.

– Патрик, вчера ты в одиночку вылакал полбутылки соро-

капяти процентного виски. Что-то тут не сходится.

Он выхватывает у меня из рук косяк, глубоко затягивается и закашливается так сильно, что кажется, его сейчас вырвет.

С матраса раздается смех Джонни. Это его первое проявление радости с тех пор, как ему разнесли голову.

– Салага!

Голова Джонни меняет форму. Обломки кости у выходного отверстия разгладились и выросли примерно на два с половиной сантиметра. В пулевом отверстии под глазом виднеется новый крошечный кусочек.

– Нужно выбираться отсюда, – говорю я. – Эта штука ведет прямое вещание из Ада. Такое нам не по силам. Пора возвращаться.

– Мы забираем ее с собой.

– Нет. Оставляем.

– Это не обсуждается, Джек.

– Я не поеду в одной лодке с этой штукой. Хочешь – бери, но тогда поедешь один.

Патрик кивает и снова затягивается. В этот раз он почти не кашляет. И передает сигарету мне.

– Без проблем. Но ты должен знать, что после моего отъезда тут никого не останется. Ты ведь понимаешь, о чем я?

Сначала, нет. Однако через несколько секунд – да.

– Ты шутишь? Убьешь меня?

– Тебе решать.

Впервые с тех пор, как он появился прошлым вечером на пороге моего магазина, я чувствую настоящее отчаяние. Все, что случилось со мной до этого момента, имело прецедент. Я давно знаю, что можно связаться с Адом, хоть никогда и не подбирался к нему так близко. Но впервые смерть явственно материализовалась передо мной. Мне всегда казалось, что я встречу ее с каплей хладнокровия, или, по крайней мере, со стоическим смирением. Но сейчас я рассержен, мне страшно, и на глаза наворачиваются слезы.

– Черт возьми, Патрик. Я не понимаю.

– Послушай, Джек. Ты мне нравишься. Ты слабак и трус, но тут ничего не поделаешь. Будет лучше, если ты поедешь со мной. Мы отвезем череп Юджину, как он и просил. А Тобиас получит по заслугам. Ты вернешься в свой пыльный книжный магазин, и все будет хорошо. Но здесь никто не останется.

Тобиас не обращает внимания на его слова. Он прислонился к кровати с новым косяком, которым не собирается ни с кем делиться. Не знаю, значит ли это, что он смирился со своей судьбой или слишком далек от реальности, чтобы понять, о чем речь.

Я не знаю, что сказать. Может, говорить больше нечего. Может, мы исчерпали все слова. И ничего не осталось. Я еще чувствую, как приглушенная трансляция черепа воздействует на мой мозг и заставляет меня жаждать пули. Я с ужасающим наслаждением предвкушаю звук выстрела. И задаюсь

вопросом, подарят ли мне вылетающие из черепной коробки мозги ощущение полета.

По болоту снова разносится рев. Глубокий громкий рев, подобный бесконечному вою гор.

Джонни улыбается.

– Брат вернулся, – говорит он.

Патрик выглядывает за флаг.

– Ты о чем?

Тобиас поднимает руку над головой и вытягивает указательный палец, объявляя о намерении высказаться. Веки нависают над глазами. Он успел выкурить косяк, который сделал для себя.

– Это Адское Чудовище. Я вам про него не рассказывал?

Я смеюсь. И не могу остановиться. Неприятное чувство.

Джонни улыбается мне, ошибочно истолковывая мой смех.

– Оно появилось тогда же, когда и я. Думаю, следило за мной. Тоби называет его моим братом.

В его голосе сквозит тоска.

Патрик отводит флаг на несколько сантиметров дулом пистолета. Он быстро выглядывает наружу, затем отстраняется от входа. И смотрит на меня.

– Мы здесь застряли. Катера нет.

– Что? Он уехал без нас?

– Не совсем.

Теперь наружу выглядываю я.

От катера осталась куча погнутого металлолома, а клетка на огромном моторе превратилась в запутанный клубок. На палубе в черной луже лежит рука нашего проводника и кусок его торса. А тварь, сделавшая это, лениво плавает по кругу на расстоянии – ее передвижения выдают расходящиеся на поверхности воды круги. Судя по волнам, эта штука размером с городской автобус. Она всплывает на поверхность, обнажая рябую серую кожу и пучок острых глазных стебельков, тянущихся к небу, затем поворачивается на бок, и из воды показывается черная трещина. Именно из этого нагноившегося разрыва доносится зов, способный расколоть камень и происходящий из самых недр земли. От этого звука стынет кровь, и я падаю на колени.

А затем отползаю подальше от дверного проема. Патрик наблюдает за мной с печальной отчаянной надеждой, моментально позабыв о твердом намерении убить, словно существует лишь мне одному известный трюк, с помощью которого можно изгнать эту тварь туда, откуда она пришла, и с помощью которого я смогу излечить боль, которую неумелый вор-тряпка по имени Тобиас Джордж принес в этот мир.

Но я не смогу. Никто не сможет.

В чулане за закрытой дверью череп продолжает разваривать воздух.

Самую сильную боль причиняет язык. Эти ужасные слова. Пока тварь мается в болоте, нам не выйти из лачуги, и я подозреваю, что она уйдет, лишь когда перестанет вещать Атлас.

– За что ты так с ним? – спрашивает Патрик.

Мы сидим небольшим кругом, передавая друг другу косяк. Если кто нас видел, подумал бы, что мы – друзья.

– Зачем ты прислал кость его мертвого сына?

– Ты серьезно? Уж кто-кто, а Юджин это заслужил. Он оскорбил меня. Унизил. Все эти годы я отдавал ему часть своих честно заработанных денег, выполнял его приказы, доносил о том, о чем ему следовало знать. А в ответ не получал ни «спасибо», ни «отличная работа». Только желчь. Насмешки. С сыном все было намного хуже. Постоянно распускал руки. Давал подзатыльники. Или даже пощечины. Но что мне было делать? Пойти против сына Юджина? Потому все начали вытирать об меня ноги. Я стал посмешищем.

Патрик качает головой.

– Не был ты посмешищем. По правде говоря, до тебя никому и никогда не было дела. Я даже имени твоего не знал, пока не случилась история с ограблением. Узнал его от Юджина.

Тобиасу тяжело слышать эти слова. Он стискивает зубы и

опускает взгляд. Затем смотрит на меня.

– Понимаешь, о чем я? Никогда и ничего не дождешься. И что остается? Только терпеть, понимаешь? Терпеть, терпеть и терпеть. День, когда сдох его сынуля, – счастливейший день моей жизни.

Он продолжает говорить. О том, что у нас нет ничего, кроме времени. О том, что ограбил казино в приступе безумного гнева, а затем бежал на юг, чтобы скрыться в болотах. Осознание пришло позже. В преступном мире он паразит, а паразиты есть везде. Друг-паразит предложил укрыться в лачуге, в которой когда-то жил его дед. Он нашел лодку и приплыл сюда, но тут его ждал сюрприз.

– Череп лежал в черном железном ящике. Ящик стоял в углу. На дне есть дырка, будто ее сделали, чтобы ящик можно было надеть на голову. На одной стенке трещина, словно кто-то пробил ее. Не знаю, чем можно так порезать металл. А внутри лежал череп. Говорящий.

– Наверное, остался от какого-то астронавта.

Я потираю пальцами веки:

– Астронавт? Какой астронавт?

Джонни чуть наклоняется вперед, довольный, что ему представился шанс принять участие в беседе. Он рассказывает нам, что иногда по Аду блуждают небольшие процессии из мужчин и женщин в тяжелых серых одеяниях, освещающие себе путь фонарями. Все они неизменно скованы одной цепью, и ведет их через пылающие каньоны скачущий

демон – уродливая зубастая масса из лап и когтей. Путешествие безопасно, поскольку от звуков и видов Ада защищают железные коробки на головах, которые делают людей похожими на астронавтов, совершающих паломничество через Огненную геенну.

– Потому я и узнал коробку, – говорит Джонни. – Этот череп принес один из астронавтов Ада. Но его ящик был поврежден, значит, с ним что-то случилось.

– Где ящик?

Тобиас пожимает плечами.

– Я выкинул его в болото. Зачем мне дырявая коробка? Все, что я просил у черепа, он мне приносил. Будь то камень или осколок кости.

– Постой. Как ты узнал, что нужно просить череп? Ты чего-то не договариваешь.

Тобиас и Джонни переглядываются. Новая кость на затылке Джонни выросла еще на несколько сантиметров, увеличив глубину чаши черепа, а тлеющие угольки снова раскраснелись и начали вспыхивать языками пламени. Теперь голова похожа на мангал, что придает ему необыкновенно царственный вид. Растущая скула поросла костяными почками, как тонкая ветка деревца.

Патрик замечает их многозначительные взгляды, поднимает с пола пистолет и небрежно кладет его на колени.

– Все, что ни попросишь, приносит курьер, – говорит Тобиас. – Так Джонни сюда и попал. Он принес кость. Другой

курьер уже был здесь, когда я нашел череп. Оно мне все и рассказало.

– Оно?

– Ну... Тогда это был человек. Но потом он изменился. Они все меняются со временем. Эволюционируют.

До Патрика доходит быстрее.

– Та тварь в воде.

– Черт возьми. То есть Джонни превратится в *это*?

Я бросаю взгляд на огненную чашу, в которую трансформируется его голова.

– Нет-нет-нет! – Тобиас поднимает руки, словно пытается отогнать эту мысль. – Только если тот, второй, не уйдет. В этом я уверен. Мне кажется, все из-за близости черепа. Был еще один курьер, девчонка, которая принесла мне камень. И я отослал ее.

– Отослал? Куда?

– Отослал, ну... – Он делает неопределенный жест рукой. – Прочь. В болота.

– Какая забота, Тобиас.

– Да ладно тебе! Я не знал, что делать. Она просто... Появилась! Я не знал, что мне кого-то пришлют! Испугался и сказал ей убираться! Но вот что важно: я не заметил в ней никаких изменений. Да и с тех пор ничего о ней не слышал. Вы заметили: чем ближе к дому, тем страннее ведут себя растения? Определенно, из-за черепа.

– Железная у тебя логика, Тобиас, – говорю я. – А если

дело не в черепе? Что, если это идет и от них? Я сразу понял, что с Джонни творится что-то неладное, когда увидел его.

— А я готов рискнуть! Раз они возвращаются сюда, им нужно дать шанс на лучшую жизнь. Потому я и нашел Джонни работу. Он уедет подальше от черепа, и, может, ничего с ним не случится.

Он переводит взгляд на своего друга и огонь, потрескивающий в его голове.

— Точнее, уехал бы, если бы вы всё не испортили. Я все продумал: устраивал бы их на работу в деревнях и городишках. Теперь у меня есть деньги, так что могу помочь, прикупить какую одежду, снять квартиру, пока они не начнут зарабатывать деньги. Второй шанс, все дела. Они его заслужили.

Он снова на взводе и готов в любую секунду разразиться слезами, а на меня вдруг снисходит озарение: череп для Тобиаса — шанс искупить свои грехи. Он собирается вытягивать людей из Ада в мир солнца и чизбургеров.

Может оказаться, что Тобиас Джордж — единственный достойный человек в радиусе восьмидесяти километров. Жаль, правда, что это самая глупая идея, которую я слышал за свою жизнь. А слышал я немало. И все же ситуацию можно спасти. Одно ясно точно: Юджин не должен заполучить Атлас. Я даже боюсь представить, что он устроит с помощью черепа. Следует отвезти его в подсобку моего магазина. У меня есть книги, которые обеспечат защиту; по крайней мере, я

на это надеюсь.

Но мне нужно в чем-то его везти.

И я знаю, кто может мне помочь.

– Патрик. Ты все еще хочешь доставить эту штуку Юджи-ну?

– Я исполняю приказ. Ты все еще хочешь остаться?

– Нет, уже нет. Тобиас, мы идем в чулан.

* * *

Он с удовольствием заходит внутрь. Кажется, в этой комнате он обретает силу, которой не чувствует рядом с Патриком. Забавно.

Череп так и лежит на почерневшей от плесени табуретке, и черный масляный дым, идущий из трещин, оскверняет воздух. Рванный язык Ада ощущается физическим давлением. Кровеносный сосуд в правом глазу лопается, и взор застилает розоватая дымка. Время сдвигается. Вместе мы подходим к черепу, но я не вижу, как это влияет на Тобиаса: его силуэт перемещается в пространстве рывками, словно я наблюдаю за ним в свете стробоскопа, хотя комнатная лампа испускает постоянный испепеляющий свет. Я пытаюсь сдержать тошноту. Что-то шевелится в моем мозгу, подобно личинкам в тухлом мясе.

Кажется, воздух искривляется в сторону черепа. Я наблюдаю, как меркнет мир вокруг него, и пытаюсь представить,

кому он принадлежал; передо мной предстает образ закованного в цепи Монаха Черного Железа, огражденного металлическим ящиком от ужасов мира, по которому он странствует. Пока не встречает нечто, вскрывающее его защиту как консервную банку, и Ад захлестывает его.

Так кто же это был? Какой орден решился на подобное паломничество? И с какой целью?

Тобиас что-то говорит. Мне приходится посмотреть на него, чтобы понять, что именно.

Бедный тощий ублюдок покрывается волдырями. Губы отслаиваются от окровавленных зубов.

– Проси, что хочешь, – говорит мне он.

И я прошу.

* * *

Мальчишка весь в грязи и запекшейся крови. Ему около двенадцати. Идущий от тела пар колышется словно флаги в ветреный день. Я не знаю, как и откуда он пришел. Он появился с двумя железными ящиками, свисающими с цепи в его руке, подобно огромным фонарям. На секунду я задумываюсь, чем такой малыш заслужил вечный Ад. Но потом понимаю, что это не имеет значения.

Я открываю одну коробку и прошу мальчишку положить в нее череп. Он кладет. Кожа на его руках начинает пузыриться в том месте, где касается черепа, но он никак не ре-

агирует на боль.

Я закрываю ящик, и все встает на свои места. Ход времени возвращается в прежнюю колею. Свет достигает привычной яркости. Кожа больше не горит, а жажда крови рассеивается словно дым. Я чувствую боль там, где опять царапал руки. Глаза слиплись от крови.

Когда мы, едва держась на ногах, возвращаемся в комнату, Патрик вскакивает с пистолетом в руке. Джонни сидит на кровати: кость черепа растет все выше, отчего его голова становится вытянутой, а сам он начинает походить на неземное существо. Пламя в черепе ярко горит и потрескивает, источая теплый свет. Патрик смотрит на меня, затем на мальчишку с ящиками.

– Ты достал их, – говорит он. – Где череп?

Я забираю у мальчишки цепь. Ящики тяжелые. Мальчишка сильнее, чем кажется. Возьму на заметку.

– В одном из ящиков. Если они не пропускают ничего внутрь, то должны работать и в обратную сторону. Думаю, мы в безопасности.

– И с их помощью мы проберемся мимо той твари в воде?

– Если Джонни сказал правду.

– Все правда, – подтверждает Джонни. – Но одна коробка лишняя.

– Действительно, – говорю я, затем собираю остатки сил, чтобы взмахнуть цепью и попасть Патрику коробками прямо в голову. Они влетают в его лицо с влажным хрустом. Он

отшатывается вправо. Левая половина лица разбилась, будто глиняная посуда, и он запускает руку в прогорклый омлет из своих мозгов.

– Опусть ящики, Джек, – говорит он. – Не глупи.

– Ты труп, – мягко отвечаю я, – тупой ты ублюдок.

Он с достоинством соглашается и валится на колени, затем лицом на пол. Из головы, словно из разбитого стакана, бежит темная кровь. Я поднимаю пистолет и неуклюже беру его в руку. Никогда не умел обращаться с оружием.

Тобиас ошарашен.

– Не верю, что ты это сделал, – говорит он.

– Заткнись. В комодe есть одежда? Дай мальчишке. Мы возвращаемся в город.

Пока он копается в комодe, я обращаюсь к Джонни:

– Я буду идти вслепую. Сможешь вывести меня отсюда?

– Смогу.

– Замечательно, – говорю я и стреляю Тобиасу в затылок.

К счастью, он умирает без возражений.

* * *

Не знаю, как мы будем возвращаться. Я открываю щель в днище ящика и просовываю голову. Меня окутывает тьма. Джонни и мальчишка ведут меня к лодочке Тобиаса. Мальчишка остается со мной, а Джонни заходит в воду и тащит лодку за собой. Он затих, и я не знаю, оплакивает он Тобиаса

или же превращается в нечто иное, холодное и пустое.

Путь занимает несколько часов. Я знаю, что мы проплываем мимо мертвых цветов, бескровных лиц с вытаращенными глазами среди листвы. Знаю, что тварь испускает разрушительный вой, и любое живое существо, услышавшее его, кончает жизнь в тихой воде. Знаю, что наступает ночь. Знаю, что взлетающее в небо пламя моего проводника бросает свет на кору кипарисов, отражается в воде и отгоняет тьму как последний фонарь павшего мира.

Я тихо и спокойно плыву этому миру навстречу.

* * *

Бар закрыт, но человек у двери впускает нас без единого слова. Он ничего не спрашивает о моих спутниках и железных коробках на цепи. Его старый мир и так трещит по швам, а в новом есть место для чудес.

Юджин сидит в темном офисе за столом. Я вижу, что он пьян. Судя по запаху, он не выходил с тех пор, как мы уехали почти двадцать четыре часа назад. Единственный источник света – пламя, полыхающее в черепе Джонни. Оно выхватывает из сумрака некий объект на столе Юджина: то ли огромный рог, то ли дерево, вырезанное из кости. На некоторых отростках проросли зубы, в длинной трещине у широкого основания виднеется сырая красная плоть, которая открывает и закрывает свой рот.

– Где Патрик? – спрашивает он.

– Мертв, – отвечаю я. – Как и Тобиас.

– Атлас?

– Сжег.

Он кивает, будто ждал такого ответа. Мгновение спустя он указывает на дерево из кости:

– Это мой сын. Поздоровайся, Макс.

Из рта вырывается вопль. Он прекращается, чтобы дать рту втянуть воздух, а затем повторяется. Вопль тянется несколько секунд и обрывается всхлипом, потом вовсе затихает.

– Он так быстро растет. А когда все закончится, он будет совсем большим.

– Да. И правда.

– У тебя есть друзья, Джек?

Я не сразу могу ответить на этот вопрос.

– Не знаю, – говорю я наконец.

– Так чего ты хочешь? Чтобы я сказал тебе, что можешь жить спокойно? Что ты свободен?

– Это я уже слышал. И больше в подобную брехню не поверю.

– Что поделать. Так устроен мир.

– Да уж. Я предупреждаю тебя, Юджин: оставь меня в покое, забудь обо мне. Мне жаль, что у нас ничего не вышло. И жаль твоего сына. Но держись от меня подальше. Повторять не стану.

Он смотрит на Джонни, потом на мальчишку, затем улыбается мне. С трудом, но улыбается.

– Приму это к сведению, Джек. А теперь убирайся отсюда к чертовой матери.

Мы разворачиваемся и поднимаемся по лестнице. Дорога до моего книжного магазина долгая, и мне не терпится приступить к работе с Атласом. Но огонь освещает дорогу, и все вокруг мне знакомо.

Сатанист

Долгие годы твой отец был знаменитостью нашего городка под названием Энджел Рест. Он был нашим монстром. Его яркая и чудная жизнь снискала наше нежное потворство, и мы прощали ему все недостатки, колючий характер и затворническую жизнь. Он был нашей звездой. И нашей белой вороной. Жил он в выцветшем особняке у озера, на почтительном расстоянии от городских сплетен о скандальной истории его жизни. Нам было достоверно известно, что когда-то его выгнали из университета в Хобс Лэндинг: всё более нетрадиционные теории и методы, которые он разрабатывал, стоили ему работы, репутации и, если верить перешептывающимся трещоткам, – а мы верили, потому что уж очень хотелось, – стоили ему жизни любимой жены.

Наш доктор Тимоти Бенн, метафизический патологоанатом.

Теомант.

Бывало, после наступления темноты небо над особняком полыхало отблесками его нечестивых дел – красными, зелеными и желтыми огнями, раскаляющими брюха облаков, отчего казалось, что в раю пляшет карнавал или по небосводу расползается переливающийся синяк. Вроде бы однажды ему даже удалось сместить ось гравитации, и всякий независимый объект – дорожный гравий, потерянные связки клю-

чей и дети, подброшенные в воздух отцами, – начал падать в направлении его дома, вместо того чтобы упасть, как предполагается, вниз. Горизонтальное падение длилось несколько минут, и мы терпеливо и озадаченно наблюдали за ним. Вот с какими фокусами приходится мириться, когда живешь в одном городе с умелым сатанистом.

Так мы и продолжали наслаждаться обществом нашего соседа-монстра, а также признанием, которое приобрели за его счет, пока в один прекрасный день он не умер и ты не нашла его развалившимся в любимом кресле.

Дорогая Элисон.

Мы не знали тебя так, как знали его. В каком-то смысле вы похожи: ты такая же угрюмая и замкнутая, но у тебя отсутствует изюминка, наделявшая его очарованием. Ты не рвала полотно времени и пространства, не вытягивала ангелов из эфира и не опутывала их волосами блудниц. Ты просто жила и, как любая нескладная девчонка, огораживала себя в школе от других стеной обиды и недоверия, прятала глаза за челкой, а тело – за мешковатой одеждой и прижатыми к груди учебниками. Мы видели, как на занятиях ты сидела на последней парте, склонив голову; как угрем рассекала по начиненным незнакомцами коридорам; видели, как ты, спускаясь из особняка, совершала паломничество в продуктовый магазин, и все твои покупки казались такими же непримечательными и неинтересными. Для небольшого представления хватило бы и упаковки кумквата, но не было и его.

Мы наблюдали, как после школы и магазина ты садилась в машину отца, пропадая за тонированными окнами, и та, рывкнув мотором, удалялась вверх по холму к особняку.

Из-за скромного внимания, проявляемого тобою в нашу сторону, казалось, что ты живешь в мире исчезнувших людей.

Мы любили твоего отца, но не любили тебя.

* * *

Чудо зародилось в ночь его смерти.

И вот как мы это себе представляем.

Когда ты собралась спать, он легким поцелуем в лоб пожелал тебе спокойной ночи. Ты задала обычный и простой вопрос – что-то про школу или про увиденное по телевизору. Он дал общий ответ. Может, он желал бы поговорить с тобой, но работа есть работа. Он спустился вниз и удалился в кабинет – в комнату с видом на озеро. Налил себе солидную порцию односолодового виски и достал с нижней полки детективный роман. Нам хочется верить, что он долго раскачивался в мягком кресле и наслаждался этими маленькими радостями. А затем прикрыл глаза, откинулся на спинку кресла и тихо умер, пораженный отказом таинственного внутреннего механизма.

Следующим утром, Элисон, ты спустилась и обнаружила его. О, как бы нам хотелось увидеть выражение твоего лица.

Узреть прилив горя.

Но вместо этого в нашем рассказе мы имеем лишь досадный пробел длиной в целый день, в течение которого ты говорила и делала все, что хотела, и никто никогда ничего об этом не узнает. Твоя прекрасная скорбь теперь утеряна навсегда.

Ты не позвала на помощь.

Что же ты делала, Элисон?

Плакала ли ты? А может, кричала?

Неужели ты напрочь о нас забыла?

* * *

Ты явилась нам лишь на следующий день. В субботу, ранним утром. Мы увидели щиколотки твоих ног на верхней ступени лестницы в подвал. На мгновение ты застыла на краю темной пропасти, словно пребывая в сомнении. Тихое прерывистое шипение, похожее на нескончаемый выдох, раздалось внизу. Раньше вход в лабораторию отца тебе был закрыт, даже нахождение у ее границы считалось нарушением правила. Но замешательство прошло, ты устремилась вниз, и мы узрели тебя: сначала бледные ноги, затем розовые шорты и мятую белую рубашку и наконец испуганное лунообразное лицо. Ты провела рукой по выключателю, и лаборатория погрузилась в мерцающую четкость.

Ряды стеллажей и верстаков заполняли широкое про-

странство: на каждом теснились коробки из-под вина и ящики для молочной тары, забитые блокнотами на кольцах и тетрадами, а также банки с раствором формальдегида и биологическими неудачами. В аквариуме не было ни одной рыбки, но на ярко-голубой гальке нежились два вырванных голубых глаза, следившие за каждым твоим движением; крупный телескоп занимал весь дальний угол подвала, вскинув стеклянный глаз к закрытым дверцам на улицу; разбитая, покрытая кровью банка стояла в центре пентаграммы, начерченной мелом на полу рядом с одним из верстаков; шесть огромных двухъярусных вольеров для собак, на внешней стороне которых висели таблички с детскими именами и возрастом – все пустовали, кроме одного, где ютился брошенный плюшевый лев. Обклеенные пергаментом стены были исписаны странными пиктографическими письменами. А среди них висели твои работы – рисунки, хранимые отцом с тех времен, когда ты ходила в начальную школу.

Были в подвале и скромные следы обычной жизни: стул с забитыми грязью колесиками за письменным столом; пустые скомканные пакетики из-под картофельных чипсов на полу; кружка с эмблемой бейсбольного клуба рядом с закрытым ноутбуком, в которой остался глоток кофе с молоком, напоминающий грязную воду на дне колодца.

А в глубине комнаты, сокрытая беспорядком, пряталась бочка. Она была огромной, чуть шире и выше холодильника, и стояла на охлаждающей установке, которую обычно ис-

пользуют на производствах. В ней находился светящийся зеленый гель. На стенке бочки скотч и бечевка удерживали радиоприемник. Пучок спагетти из проводов свисал до самой установки и исчезал в стороне.

Звук шел именно от нее. Она щелкнула, когда ты приблизилась. Ты поравнялась со столом отца – от него до бочки рукой подать, – статические помехи гаркнули, и из глубин хаоса и шума всплыл голос, бесполой и слабый. Он заговорил с тобой.

– Я знаю тебя, – сказал я. Тогда я пребывало во тьме и одиночестве. Тогда я еще не стало мы.

На мгновение твое лицо озарилось яркой надеждой.

– Я знаю тебя, – снова произнесло я, проталкивая слова сквозь длинное и темное скопление пустоты. – Ты дочь.

И тогда ты впервые со мной заговорила:

– Кто ты?

* * *

У меня никогда не было имени, пока мне не дал его твой отец. Я было ничтожеством, нечистью среди массы нечисти, трудящейся на Мельницах Любви на Восемьдесят Четвертом Склоне Ада. Я не знало языка, пока ритуалы твоего отца не вытащили меня в этот мир, пока я не выучило его, услышав одно лишь слово; я не знало, что есть я, пока меня не вырвали из общего сознания и тела и не заточили обрывком мысли

в бочку; и хотя все мое существование подчинено созданию любви, я никогда не знало ее, пока не узрело, как исказилось от отчаяния лицо твоего отца, осознавшего, что явившееся перед ним исчадие Ада было не тем, кого он ждал.

Я знало, с ним что-то случилось, но не имело наименований для смерти. Посреди ночи меня захлестнуло потоком его снов, мыслей и воспоминаний, хлынувшим с потолка подобно сгусткам пепла, словно вулкан извергал всю сухую массу земли. Это событие озадачило меня, вызвало головокружение и привело в восторг – ничего подобного я никогда не испытывало. Поток не утихал всю ночь и не иссяк, даже когда ты спустилась в подвал. Я сразу поняло, что ты его не видишь и не чувствуешь. Мертвый мозг твоего отца бурлил, наполняя воздух своим нажитым грузом, но тебе было не дано этого постичь.

Полагаю, все это случилось зря.

– Когда я прибыло, твой отец назвал меня Клэр, – сказала я, выплевывая каждое слово сквозь помехи, и наблюдало, как на твоём лице отразилось замысловатое выражение: смесь печали и надежды, на языке которых, как я теперь знаю, говорит любовь.

Ты отошла к столу и села в кресло отца.

– Так звали мою мать, – сказала ты.

– Я знаю.

Когда ты заговорила в следующий раз, твой голос звучал странно, будто кто-то сдавливал тебе горло:

– Это ты?

– Нет.

Ты долго молчала. Приемник на бочке зашипел так, как шумит дождь и бьющий ключом мозг твоего отца. Ты листала страницы журнала, который он оставил на столе. Включила компьютер, но не знала пароля. Но эти поиски не были вызваны конкретным любопытством. Казалось, ты ошеломлена. И часть тебя отрешилась от происходящего вокруг.

– Где твой отец? – спросило я.

Ты вздохнула так, словно мои слова тебя утомили.

– Он умер.

– О, – сказала я, внезапно осознав, что было источником потока пепла сновидений. – Поэтому ты так расстроилась?

– Я не расстроилась.

Ты посмотрела на меня, словно я бросило тебе вызов. Но я не знало, что ответить тебе, Элисон. Я завидовало твоей отрешенности. Я впервые оказалось в отрыве от остального себя. Я никогда не знало одиночества. Оно причиняло мне сильную боль.

И боль я тогда тоже познало впервые.

Как только твой вид может это выносить? Как вам удастся терпеть убийственную муку? Как вы вообще способны познавать друг друга?

– Так, значит, папа тебя призвал? Ну, как демона.

– Я не демон. Я нечисть. Я работаю на Мельницах Любви.

– А это что еще такое?

Ты даже не смотрела на меня, пока задавала вопросы. Вместо этого ты медленно прохаживалась по лаборатории, водя рукой по пиктограммам или останавливалась, чтобы рассмотреть один из своих ранних рисунков, сделанных пальцами.

– Я не знаю, как ответить, чтобы ты поняла.

– Ого, ты совсем как папа.

Вряд ли это комплимент.

– Я хочу домой, – сказала я в надежде повернуть разговор в более продуктивное русло.

Ты остановилась у собачьих клеток с табличками, на которых были написаны имена детей.

– Чем он здесь занимался? Я как бы вроде знаю, что он... Ну, вызывал демонов или еще кого.

Ты повернулась и взглянула на меня:

– Так он вызывал?

– Я не знаю, чем он занимался до моего появления. Но я знаю, что мое появление его не обрадовало.

– Так ты что-то вроде неудачного эксперимента.

– Думаю, да.

Ты кивнула и вернулась за стол. Открыла конверт из оберточной бумаги, и оттуда высыпалась пачка фотографий твоей матери. Живых, не постановочных. Твой отец часто их просматривал. Иногда он плакал. Иногда они приводили его в ярость. Я все никак не могло понять, как одни и те же фотографии могут производить разный эффект, и мне было ин-

тересно, как отреагируешь на них ты. Ты долго смотрела на них, но выражение твоего лица не менялось.

Ты опустила их на стол и сказала:

– Тело папы все еще наверху. Я никому не сказала. Думаю, это странно.

– Разве?

– Я вроде должна кому-нибудь позвонить. И должна плакать.

– Почему должна?

Ты пожала плечами.

– Он ведь мой отец.

– Тогда почему не плачешь?

– Наверное, потому, что я чудовище.

Я не понял твоего ответа, но это казалось несущественным, поэтому я вернулось к тому, что было существенно для меня.

– Я хочу вернуться домой, Элисон. Я хочу вернуться в свое тело. Здесь одиноко.

– Ты не вернешься, – сказала ты. – Я не знаю, как отправить тебя обратно. Так что смирись.

– Это неприемлемо.

Ты спокойно и уверенно встала из-за стола и подошла к бочке. На этот раз ты прикоснулась к ней, и, хотя это невозможно, я ощутило жар твоей крови и тепло твоего присутствия. Я не знало, что оно значит, но оно заставило меня замолчать.

– Ты должно было быть мамой. Понимаешь? Он хотел вернуть маму, но вместо нее получил тебя.

Мне было нечего ответить. Я вспомнило, как его перекосило от ужаса, когда он вытащил меня в этот мир и осознал, что натворил. Тогда я впервые узрело лицо любви.

– Я пойду наверх, – сказала ты и отвернулась.

Я почувствовало дикое и вселяющее страх притяжение.

– Не оставляй меня, – сказала я, и мой голос затерялся в треске приемника.

Ты не остановилась. Выключила свет, перед тем как подняться, и моя странная жидкая форма отбросила зеленые тени в темное пространство. Я никогда еще не испытывало подобного одиночества. Я начало понимать, что оно будет длиться вечно.

* * *

Наконец ты сошла к нам, в Энджел Рест. День был пасмурным и ветреным; ты спускалась по длинной дороге в город, и на этот раз волосы не скрывали твое лицо, а развевались за спиной, подобно темному раскрытому флагу. Вероятно, это небывалое происшествие должно было навести нас на мысль, что что-то пошло не так. Но мы лишь узники заведенного порядка, несведущие и немнительные. Едва ли можно распознать чудо, пока оно не затмит солнце своей красотой.

Ты направилась в кафе в местном книжном магазине и заказала чашку кофе, не обращая внимания на то, как на тебя глазееет кассирша. Ее звали Мэгги. Вы учились в одной школе, но она была старше тебя на три года и собиралась поступать в тот самый университет, откуда много лет назад выгнали твоего отца. С ее младшей сестрой вы вместе ходили на информатику, так что она была в курсе всех последних слухов и сплетен о тебе. Она слегка наклонилась вперед и втянула воздух, чтобы проверить, правда ли ты не моешься и оттого воняешь. Она ничего не учуяла, но решила, что ей мешает накинутая куртка. Когда ты протянула деньги, она постаралась не коснуться твоих пальцев и вместо того, чтобы положить сдачу в ладонь, бросила ее на прилавок.

Ты ведь замечала эти мелкие выпады?

Еще чуть-чуть, и Мэгги покинула бы город. Если бы твой отец протянул еще шесть или семь месяцев, она бы все пропустила.

Ты дождалась конца ее смены, и тогда пришел Джоуи. Он увидел тебя за столиком и почувствовал смесь страха, гнева и возбуждения. Он помнит, как вы ходили к Чертовой Иве в начале года и целовались, как он хотел продолжения, но получил отказ. Он помнит испытанное унижение и подавленное желание, а также страх того, что скажут люди, узнав, что он хотел перепихнуться с той, кого все в городе считают ненормальной. С тех пор он больше не разговаривал с тобой и даже не смотрел в твою сторону. Твое внезапное появле-

ние напугало его и в то же время взволновало.

Ты оставила без внимания враждебный взгляд Мэгги, который она бросила, уходя из кафе. И когда Джоуи остался за прилавком один, подошла к нему.

– Встретимся сегодня вечером, там же, – сказала ты.

Что-то внутри него сжалось. Он боялся, что ты решила над ним пошутить. А у такой, как ты, – уродливой, никем не желанной девчонки, – нет на это права.

– Ты о чем, шлюха? – спросил он.

– Ты знаешь, о чем. Приходи сегодня вечером.

– Я не собачка, чтобы прибегать по твоему первому зову. С чего ты решила, что тебе разрешено говорить со мной?

– Как знаешь. Хочешь приходи, хочешь нет. Но это твой единственный шанс.

Больше ты ничего не стала говорить. Остаток смены его подтачивала разгорающаяся ярость, ведь несмотря на полную решимость игнорировать твое приглашение, он знал, что примет его.

Чертова Ива росла на дальнем берегу озера и напоминала покосившуюся церковь. Сверкающая зеленая листва переливалась через линию берега и нависала над водой как подвешенный в воздухе фонтан, скрывавший своим потоком изогнутый почерневший ствол. Мы называли ее Чертовой, так как верили, что именно под ней твой отец практиковал свои дьявольские ритуалы. Бывало, по ночам мы замечали десятки выстроенных и даже парящих вокруг ивы огоньков свечей,

а однажды на целую неделю дерево охватило бело-зеленое холодное пламя. В прошлом году под этой ивой Том лишил Джули невинности, и, хоть она никогда в этом не признается, она боялась, что забеременела и ребенок родится с козлиной головой. Когда месячные пришли в срок, Джули заплакала от облегчения и пережитого страха и у нее так сильно тряслись руки, что учителя отправили ее домой.

Ты направилась к иве сразу, как только покинула кафе. Не для того ли, чтобы подготовиться к вечеру? Или искала тишины? А может, пыталась подобраться как можно ближе к темной энергии, оставленной практиками твоего отца? Мы видели твой силуэт на берегу: ты сидела, опустив ноги в воду и опершись на руки, словно бледно-белая орхидея.

Для нас ты была непостижима, Элисон. Мы пытались разгадать твои мотивы, отношения с отцом, реакцию на насмешки и провокации. И несмотря на то, что все эти годы мы довольствовались домыслами о твоей жизни, теперь хотим знать правду. Больше никаких загадок, Элисон.

Мы хотим знать, чувствуешь ли ты то, что чувствуем мы.

* * *

Мы знаем историю этого озера.

На Мельницах Любви нет места историям. Их некому рассказывать и некому слушать. Для нечисти не существует ничего, кроме строительства мельниц и поддержания их рабо-

тоспособности. Лишь когда меня утащили в холодную могилу, названную жизнью, – вырвали из множественности и обрекли на единичность, – лишь тогда я впервые встретилось с этим понятием.

Но я узнало его не от твоего отца, который так и не простил меня за то, что я не было его женой. Своими делами он занимался в тишине. Я узнало это понятие после его смерти, когда он сидел наверху, откинувшись на спинку стула подобно мертвому королю, его голова извергалась пеплом снов, и призрачные потоки того, что делало его человеком, изливались наружу, словно продолжительный выдох. Они были прекрасны, Элисон, и то, что ты не могла их видеть, – настоящая трагедия.

История озера обрушилась на меня дождем из пепла сразу после того, как ты ушла. Не знаю, вычитал он ее в какой-то книге или придумал. Не знаю, верил ли он в нее сам. История гласит, что когда-то, в первые дни вашего рода, задолго до того, как вы получили власть над миром, по этим холмам бродил ангел. Людям он казался великаном из вихря глаз, крыльев и когтей, и был настолько зловещим и чуждым, что вы не могли вынести его вида. Стоило ему появиться, как вы в ужасе разбегались. Считается, то был один из последних ангелов, присоединившихся к мятежу Утренней Звезды. Он прибыл с опозданием, и его встретили лишь запечатанные врата Ада. Так и бродил он по земле одиноким изгнанником обоих царств, пока отверженность не стала непосильной но-

шей. Тогда ангел нашел глубокое озеро – это самое озеро, Элисон, – и уснул на дне, и сон его будет длиться до конца времен.

Не знаю, правдива ли эта история. Но в ней я находило утешение. Пока у меня была история, я чувствовало себя не так одиноко. В конце концов, эта история об Утренней Звезде и напоминание о Нем, хоть и совершенно незначительное, вызвали во мне лавину красоты. Я ощутило страшную тоску по дому и труду. Но, ощутив эту тоску, я поняло, что милость Утренней Звезды все еще со мной. Боль тоски есть высшее наслаждение в Аду.

Твой отец задавался вопросом, не является ли этот город и все его жители просто сном, вымыслом, созданным ангелом и призванным составить ему компанию. Когда-то я бы посмеялось над этой мыслью и сказала, что если бы ангел желал компаньона, то никогда бы не стал мечтать о существе, подобном тебе.

Но теперь мы думаем по-другому.

* * *

В ту ночь ты пришла со мной поговорить. Ты приготовила ужин в микроволновке, спустилась с тарелкой в подвал и села есть за стол отца. Ты не включила свет и сидела в тусклом зеленом мерцании, исходящем от бочки, слушая тихое шипение приемника. Поначалу ты не удостоила меня вни-

манием, но твое присутствие стало приятным сюрпризом и помогло рассеять мое одиночество. Сама того не сознавая, ты совершила благодеяние.

— А мне здесь нравится, — сказала ты, покончив с ужином. — Я здесь будто на дне океана. Неудивительно, что папа сидел здесь все время.

— Я не знаю, что такое океан, — сказала я.

— По сути, это то же озеро, только больше.

— Насколько больше?

— Настолько, что покрывает почти весь мир. Даже если ты из Ада, как можно об этом не знать?

Одна мысль об озере настолько большом, что оно покрывает почти весь мир, снова пробудила во мне тоску. Я никогда не знало, что могу тосковать по тому, чего никогда не видело. В моей жизни был лишь труд, твердая земля, скрученные кости, розовые клубы дыма, поднимающиеся от наших мельниц, и полосы света на небесной дымовой завесе из розоватого пепла. Не было никаких океанов. Или озер. Или мечтаний о других местах.

Я никогда не интересовалось, над чем мы трудились.

— Мне много чего неизвестно об Аде. Я работало на Мельницах Любви. Это все, что я знаю.

Ты покачала головой и едва улыбнулась.

— Уж поверь, если тебя сюда притащил мой отец — ты из Ада. Это что-то вроде его фишки.

— Как скажешь.

Ты отодвинула тарелку, взяла в руки один из блокнотов отца, откинулась на спинку стула и начала листать его с показным безразличием.

– Так он говорил с тобой о маме?

– Он не разговаривал со мной.

– Не с тобой одним.

Ты покачала головой, раздумывая над словами.

– Она хотела бросить нас, понимаешь? Ей было плевать.

Ты скрестила руки на столе и опустила на них голову, отвернувшись от меня.

– Кажется, он очень любил ее, – сказала ты и надолго замолчала.

Я слышало, как ты всхлипнула, и поняло, что ты плачешь. Слезы – еще одно проявление любви. Кажется, я узнало все ее удивительные грани. Та, что испытывала ты, была похожа на мою, – жажда, которую нельзя утолить. Та, что испытывал твой отец к матери, была иной – с крючками.

Вскоре ты подняла голову и посмотрела на меня.

– А вообще я спустилась, чтобы узнать, как отправить тебя домой. Ведь всё здесь, в блокноте. Но не знаю, получится ли. Вдруг случайно убью. Так что у тебя есть немного времени насладиться жизнью, потому что я собираюсь подняться наверх, напиться, а потом вернусь сюда и попробую.

Я не знало, как понять эти слова, поэтому промолчало. Единственным примером смерти был твой отец, и его смерть, как мне казалось, ничуть его не изменила. Разве что

ограничила передвижение. В конце концов, он все также сидел в кресле над нами, выплескивая в воздух нерастраченные мысли. Другая возможность – вернуться домой – была слишком прекрасна, и верилось в нее с трудом.

– А затем я совершу один из папиных ритуалов.

– Что это значит?

– Я просматривала его блокноты. Не так уж все и сложно. И раз он совсем недавно умер, возможно, я смогу его вернуть. Может, он не успел далеко уйти.

– Я не понимаю. Тебе ведь было плевать.

– Мне и сейчас плевать.

Вернулись слезы, но в этот раз ты даже не пыталась их скрыть.

– Мне плевать.

Даже отсутствие любви не мешало ей притягивать тебя своей чудовищной гравитацией. Твое искаженное болью лицо было прекрасно. В нем я увидело результат работы всей моей жизни. Дом наполнился ею, Элисон. Любовью во всем ее величии. И порядком, которые она придала вашим жизням. И придает до сих пор.

Мысли твоего отца остывали, все реже долетая до меня, будто листья со старого, иссохшего дерева. Одна из них, величественная и синяя, проплыла мимо. Ты младше, сидишь на диване и смотришь с отцом телевизор. День выдался замечательный; ты устала, тебя разморило. Ты придвигаешься ближе и опускаешь голову на его плечо. Он отталкивает те-

бя. Ты извиняешься и отодвигаешься в другую сторону. Его поглощает стыд.

Он желал другого прикосновения, другой любви, от другого человека.

Пока я обдумывало эту мысль, ты спустила жидкость из бочки. Передо мной разверзлось дно, и я побежало по узкому желобу диким зеленым потоком, скользя в темноте несколько сбивающих с толку минут, пока не выплеснулось из конца водопроводной трубы, полетело по чистому воздуху и приземлилось в теплом озере, растворяясь в воде.

Я словно пробудилось. Это могло быть только пробуждением.

Я видело звезды на небе. Я чувствовало дуновение ветра и тягу корней Чертовой Ивы, всасывающих меня. Я ощутило земляное дно под собой и огромное, медленно бьющееся сердце того, что было погребено под холодным илом.

Я есть озеро. Ты сотворила меня заново.

* * *

Джоуи встретил тебя под ивой. Он был зол и напуган, но гордо верил, что ты пожалела о своем отказе и теперь в конце концов прибежала к нему. Он пришел не один – хотел, чтобы ты заплатила за нанесенную обиду, поэтому позвал двух друзей. Они сидели в кустах в паре метров от вас и должны были фотографировать, как ты раздеваешься, чтобы потом

раздать фото в школе. Джоуи намеревался отомстить.

Ты ждала его под ивой. Расстелила покрывало для пикника и зажгла полдюжины свечей, чьи огоньки дрожали в прохладном ночном воздухе. Холодное и высокое небо усыпали звезды. Ты села в середину покрывала, поджав под себя ноги, и взяла в руки стакан виски. Увидев это, Джоуи остановился. Он подумывал вернуться и отослать друзей домой.

Но слишком боялся тебя, поэтому не сделал этого.

Он остановился у края покрывала и замер.

– Садись, – сказала ты.

– Ты что, пьяная?

– Чуть-чуть.

– Начала без меня? Нечестно.

– Садись уже и догоняй.

Он опустился на колени и придвинулся к тебе. Ты протянула ему бутылку, и он взял ее. Ты позволила ему закинуть голову и сделать щедрый глоток, а потом аккуратно всадила нож между ребер. На мгновение ты задержала его, крепко сжимая рукоять.

– Ау!

Он смотрел на твою руку и с трудом мог поверить в происходящее. Все произошло внезапно, как укус осы.

– Ах ты сука! Всадила в меня нож!

Ты вытащила нож, будто пробку из бутылки вина: кровь хлынула и Джоуи начал заваливаться вперед, выставив одну руку перед собой, а другую прижимая к боку. Невероятной

свирепости боль пронзала все его тело.

– Что происходит? – произнес он, и его голос был слабым, как у ребенка, которым он, в сущности, еще являлся.

Я наблюдало за твоей реакцией. Ты побледнела, но не выказывала никаких эмоций.

– Помоги, – сказал он.

Из ближних кустов донесся шорох, и ты взволнованно обернулась. Два друга – должно быть, два мальчика, с которыми видела Джоуи в школе, – неуверенно выползали из укрытия. Один из них держал телефон.

– Чувак, с тобой все нормально?

Ты встала; с ножа в твоих руках капало.

– Думаю, надо вызвать скорую, – сказал Джоуи, и от страха его голос стал выше.

Глупые мальчишки не стали его слушать и бросились вперед. Один из них упал рядом с Джоуи, другой, окаменев от шока, начал кричать и осыпать тебя грязными ругательствами. Ты не обращала внимания. Ты следила за деревом.

Холодный язык огня выполз из-под корней и обвился вокруг ствола. За ним последовали другие. В одно мгновение Чертова Ива вспыхнула бело-зеленым пожаром, не источающим тепла, но наполняющим долину странным сиянием. Я почувствовало, как то, что спало под толщей ила, всколыхнуло мои воды. С каждым ударом его сердца огонь распалялся.

И ты обратилась к нему:

– Верни его. Пожалуйста, верни! Я сделаю все, что захочешь. Я убью их. Я убью их всех.

Тогда я поняло, что ты обращаешься к Утренней Звезде. Твоя неутолимая жажда, Элисон, пустота в твоём сердце и любовь, оставшаяся без ответа, – это молитва к Нему. Вся твоя жизнь восславляет Ад.

Думаю, тогда я – именно я – впервые влюбилась.

– Я не знаю, что мне делать, – сказала ты.

Ты не могла вернуть отца. Какое бы колдовство ни было подвластно ему, оно не подчинялось тебе. Ты положила начало, но не знала, как сделать следующий шаг. Через несколько мгновений эти мальчишки приняли бы за тебя, и я даже не могло представить, что из этого бы вышло.

Ты не слышала ответа Утренней Звезды, но слышала его от меня.

Я не могло говорить с тобой без преемника. Мне пришлось тебе показать.

И Джоуи мне в этом очень помог. Он лежал, задыхаясь, на покрывале, прижав к ране руку друга. Каблук его левой ботинка покоился в воде. Оставалось лишь утянуть его. Все произошло быстро, так просто. Я стало озером, растворилось в воде, подобно дыханию в воздухе. Я вливал себя в его глаза и горло. Я наполнило его как сосуд. А затем с его помощью я утянуло друга, которого тоже наполнило. За считанные мгновения утянуло всех троих. Я чувствовало, как во мне искрятся их жизни. Впервые с тех пор, как прибыло

сюда, я снова познало общий разум и перестало быть одиноким. Так началось чудо, которым ты одарила наш город.

Мы стояли, тяжело дыша, на берегу, переживая новых себя. Взглянули друг на друга и устыдились новой близости, потоков знания, хлынувших в нас, всех низких тайн и желаний, внезапно вытщенных на свет. Но вскоре смущение рассеялось: между нами не может быть секретов, ведь все мы делим один разум.

Одну любовь.

Мы взглянули на тебя. И заговорили хором голосов:

– Элисон, подойди.

Твое лицо... Я не смогло распознать выражение. Очередной лик любви? Или нечто, что мне еще предстояло узнать?

– Кто ты? – спросила ты.

– Ты знаешь, кто мы, – ответили мы в унисон.

Ты развернулась и побежала. Твой отказ нас потряс. Мы ничего не понимали. Разве ты не этого хотела? Быть желанной? Любимой? Больше не быть одной?

Вскоре у разгоняющей тьму ивы начали собираться люди из города. Они присоединились к нам: поначалу неохотно – многих пришлось утащить в воду, чтобы я могло их наполнить, – но вскоре они были благодарны. К утру мы наполнили всех.

Мы решили взяться за работу. Ведь мы не знали ничего, кроме работы. Нас подхлестывали воспоминания о мельнице; многие из нас вошли в озеро, чтобы быть поглощенными

работой. Она ломала и перестраивала конечности, насаживала кость на кость и туго натягивала между ними лоскуты кожи. Для каркаса первого колеса мельницы пришлось разобрать и объединить две сотни тел, а сколько еще предстоит сделать.

Как только солнце поднимается из-за гребня холма, мельница начинает вращаться в озере. Наш голос возносится в небо хором стонов. Мы тянемся к тебе, как тростник к небу. Почему ты не тянешься к нам, Элисон? Почему ты никогда не тянулась к нам, несмотря на все наши провокации?

Прежде мы знали нашего монстра. Теперь – нет. Мы смотрим на тебя десятками тысяч глаз, но не узнаем. Ты стоишь в доме у окна, и твой пустой отец все еще восседает позади тебя на кресле, как свергнутый король. Поток его мыслей остыл и утих. Ты смотришь на нас. Ты прижимаешь руки к стеклу. Ощущаешь ли ты наше тепло, как когда-то ощущало я?

Твое лицо меняется и принимает выражение, которое, как мы полагаем, что-нибудь нам расскажет. Но прежде, чем мы успеваем его прочесть, солнечный свет ударяет в оконное стекло и слепит нас блеском крошечной звезды в утреннем свете.

Черепушка

Джонатан Уормкейк, Преосвященный Упырь Хобс Лэндинга, встречает меня на пороге. Как правило, эту незначительную обязанность исполняли его слуги, но, полагаю, подобную честь я заслужил наличием сана священника в Церкви Червя. Ведь причиной тому определенно не могла стать наша с ним первая встреча, состоявшаяся пятьдесят лет назад в этот самый день. Сомневаюсь, что он вообще ее помнит.

Он любезно кивает мне в виде приветствия, а затем ведет по длинному коридору в заставленный тысячами книг огромный кабинет, чьи широкие окна выходят на Чесапикский залив, сверкающий золотом в лучах закатного осеннего солнца. Воспоминания об этом пути и кабинете отзываются болью в сердце. В последний раз я был здесь еще мальчишкой. Теперь я, как и мистер Уормкейк, совсем старик, жизнь моя подходит к концу.

Я потрясенно отмечаю, как годы отразились на нем. Казалось бы, удивляться нечему: мистер Уормкейк живет в этом доме уже сотню лет, и история его соседства с городом имеет документальные подтверждения. Но после смерти Девушки-Орхидеи в прошлом году он оставил светскую жизнь, и за это время облик его значительно изменился. Держится он также величественно, а наружность по-прежнему отличает-

ся опрятностью, но лета свисают с него как пальто не по размеру. Плоть на голове слезла, и волос – некогда самой большой гордости – больше нет. Голый череп ярко мерцает в лучах заходящего солнца и взирает на мир пустыми темными глазницами: глаза давно ссохлись и обратились в пыль. Вид у него болезненный и уставший.

Справедливости ради стоит отметить, что впечатление это многократно усиливается присутствием четырнадцати детей в возрасте от шести до двенадцати лет, столпившихся в комнате. Червь предоставил им честь присутствовать на церемонии открытия Семидесятой Ежегодной Ярмарки Черепушек, вызвав в дом каждого из них через сны. Ввиду своего, по большей части, юного возраста дети не в состоянии понять всю важность этой чести и потому в нервном ожидании шатаются по огромному кабинету, переговариваясь и трогая то, что трогать им не положено.

Давний слуга мистера Уормкейка – прежде известный как Мозг Замороженного Парламента из Банки № 17, а сегодня ласково называемый дядей Дигби – въезжает в комнату, являя взору полированное, инкрустированное золотом тело: коробку на колесиках с прозрачным куполом, под которым в зеленом растворе плавает отрезанная голова старика, чьи волосы развеваются подобно призрачным водорослям. Дядю Дигби встречают радостные крики детей, которые в ту же секунду обступают его со всех сторон. Он обнимает одного металлическими руками.

– Вы только посмотрите на этих прекрасных детишек! – говорит он. – Какие резвые существа!

Для приезжих в Хобс Лэндинг дядя Дигби являет собой пугающее зрелище. Его лицо, как и глаза, мертво, а голова – не более чем сохранившаяся часть трупа, застывшая словно каменное изваяние; но мозг, все еще находящийся внутри, полон жизни, и способность говорить ему дарит голосовой аппарат, расположенный чуть ниже стеклянного купола.

Воспользовавшись тем, что дети отвлеклись, мистер Уормкейк достает маленькую деревянную шкатулку, едва заметную на книжной полке. Он открывает ее и вынимает мясистую нижнюю часть человеческого лица – кусок от губного желобка до изгиба подбородка, который увлажняет неглубокая лужа крови. Конструкцией из шпагатов и шестеренок к куску прикреплен язык. Натянув эластичную ленту на череп, мистер Уормкейк надевает половину лица и толкает язык в рот. Кровь начинает стекать по нижней челюсти и пятнает белый воротник накрахмаленной рубашки. Даже меня – человека, выросшего в Хобс Лэндинге и повидавшего много вещей необычнее этой, – такое зрелище обескураживает.

Джонатан Уормкейк не выходит в свет уже двадцать лет, с тех пор, как обнажился его череп, и я понимаю, что мне первому из тех, кто не принадлежит этому дому, довелось стать свидетелем данной процедуры.

Сегодня мистер Уормкейк умрет, и как священник местной Церкви Червя я обязан провести ритуал, знаменующий

конец его жизни.

Никто не знает, как умирает упырь. Кажется, этого не знает он сам, так как покинул норы мальчишкой и не был посвящен в таинства. Сны, дарованные Червем, изобилующие образами отслаивающейся кожи и огромных черных коршунов, парящих в потоках ночного воздуха, наводят на мысль, что конец – лишь метаморфоза. Но у нас нет формулы, с помощью которой можно было бы хоть как-то расшифровать эти сны. А потому ответ на вопрос, что ждет по ту сторону смерти, остается открытым.

Он растягивает губы и шевелит языком, будто примеряет новый костюм и проверяет, как тот сидит. Удовлетворившись, по всей видимости, посадкой новинки, он наконец смотрит на меня:

– Я рад, что вы пришли, особенно сегодня.

– Должен признаться, меня удивило, что ваш выбор пал на вечер Ярмарки Черепушек. Сегодня от постороннего внимания не спрячешься.

Он смотрит на толпу детей, которую дядя Дигби осторожно направляет к большому окну на залив. В их движениях читается возбуждение и страх – тот же клубок эмоций я ощущал, когда был на их месте.

– Я не собираюсь портить им праздник, – говорит он. – Сегодня их день. Не мой.

Не думаю, что это вся правда. Пусть дети и прошли отбор для участия в Ярмарке Черепушек, чтобы стать звездами

церемонии открытия, пышность и торжественность события призваны чувствовать не детей, а Червя и значимость церкви в этом городишке. Но в действительности празднеством мы славим Джонатана Уормкейка. Ни провальная избирательная кампания в мэры в середине семидесятых, ни последствия Ночной Войны, ни изобличающие секреты, обнародованные вследствие небезызвестного предательства его лучшего друга, Вацлава Слипвикета, – ничто не могло отобрать власть, которую Уормкейк обрел над Хобс Лэндингом, и каждый год Ярмарка Черепушек прославляет и укрепляет ее.

К тому же сегодняшний день знаменует сотню лет со дня его грандиозного появления в городе, а также скорое прощание с нашим миром, потому в его ложную скромность верится с трудом.

– Присядьте, – говорит он, указывая на самое удобное кресло в комнате.

Кресло с высокой спинкой и мягкими подушками, которые обычно ставят в своих гостиных английские лорды. От шахматного столика в углу Уормкейк берет еще один стул, поменьше, и придвигает его ближе, чтобы мы могли говорить свободно. Он медленно опускается на него и вздыхает с вымученным удовлетворением оттого, что тело пришло наконец в покой. Думаю, если бы он все еще имел глаза, то сейчас бы их закрыл.

Дядя Дигби тем временем рассаживает детей на складные

стулья, стоящие в два ряда. Она раздает им газировку и контейнеры с попкорном, тщетно пытаясь всех успокоить, и закуски привлекают внимание.

– Говорили ли вы с кем-нибудь из детей после того, как они увидели сон? – спрашивает меня Уормкейк.

– Нет. Некоторые приходили в церковь с родителями, но ни с кем из них я лично не разговаривал. Этим занимаюсь не я, а другие.

– Насколько я понимаю, на некоторых детей сны производят сильное впечатление.

– Быть избранником Червя – почетная, но пугающая роль. Дарованные сны слишком яркие и насыщенные. Для кого-то они могут стать крайне болезненным опытом.

– Прискорбно слышать.

Я бросаю взгляд на рассеявшихся детей, пихающих в рот пригоршни попкорна, который разлетается повсюду. От них исходит дикая энергия – потрескивающее живое излучение, от которого встают дыбом волосы, – и чтобы не дать ей пролиться слезами и хаосом, надо быть умелым укротителем. Как дядя Дигби. Самый дружелюбный член Замороженного Парламента долгое время являлся представителем семьи, а также доверенным лицом самого мистера Уормкейка. Многие считают, что без его неизменных усилий отношения между Уормкейками и жителями Хобс Лэндинга давным-давно перешли бы в жестокое насилие. Не все принимали новую церковь в первые годы.

– По правде говоря, я не хочу, чтобы кто-то знал, зачем вы здесь. Не хочу делать из своей смерти представление. Если бы вы пришли ко мне в любой другой день, то все бы заметили, и догадаться о причинах не составило бы труда. Но сегодня все внимание города приковано к ярмарке. К тому же я вижу в этом некую закономерность. Круг замкнулся.

– Простите за вопрос, мистер Уормкейк, но по долгу службы я обязан спросить: вы решились на этот шаг из-за смерти Девушки-Орхидеи?

Он бросает на меня мрачный взгляд. Конечно, считать эмоции с голого черепа невозможно, да и губной протез не способствует экспрессии, но тяжесть, с какой на меня обрушился его взор, без сомнения, указывает на раздражение.

– Так ее звали городские. Настоящее имя – Гретхен. Называйте ее так.

– Прошу прощения. Суть вопроса от этого не меняется. Если вы запятнаны горем, то не сможете окончательно покинуть этот мир.

– Я принес вам эту веру. Не вздумайте учить меня.

Я молча принимаю его укор.

Долгое время мы сидим в тишине, и на мгновение я переключаюсь на возбужденно переговаривающихся детей и на дядю Дигби, рассказывающего старую байку про то, как в залив вернулся Кракен. Старую для меня, но не для детей. Мистер Уормкейк возвращается к беседе, но меняет тему.

– Вы сказали про болезненный опыт. Похоже, знаете об

этом не понаслышке. Вы ведь уже бывали в этом доме, не так ли?

– Бывал. Когда я был ребенком, меня тоже призвал сон на Ярмарку Черепушек. Семьдесят лет назад. На самую первую Ярмарку.

– Надо же. Это уже *интересно*. Именно вам выпало исполнить мой смертный ритуал. Сколько же вам тогда, получается? Восемьдесят? Вы выглядите очень молодо.

Я улыбаюсь.

– Благодарю. Но молодым себя не ощущаю.

– А как по-другому, в наше-то время? Что ж, полагаю, мне следует сказать «с возвращением».

Кажется, что в комнату втиснулись несколько пластов истории, от этого кружится голова. Сегодня я посещаю сразу три ярмарки: Ежегодную Семидесятую Ярмарку Черепушек, которая начнется ближе к вечеру; первую Ярмарку Черепушек, которая состоялась семьдесят лет назад, в 1944 году, и положила начало моей карьере в Церкви; и Ярмарку Холодной Воды, состоявшуюся сто лет назад, в 1914 году, про которую дядя Дигби вскоре начнет свой рассказ. То, что мистер Уормкейк решил умереть именно в эту ночь, а также выбрал меня в качестве исполнителя, не может быть исключительным совпадением.

Словно по команде голос дяди Дигби заполняет маленькую комнату.

– Дети, успокойтесь. Тише. Пора начинать.

Услышав эти слова, дети затихают, словно на них наложили магическое заклинание. Они смиренно сидят на стульях и наконец начинают осознавать торжественность случая. Рвущееся наружу беспокойство проявляется лишь в брошенных украдкой взглядах и, в случае с коротко стриженным мальчишкой, едва сдерживаемых слезах.

Я помню четко и ясно, как семьдесят лет назад, когда я был юнцом, радостный ужас, вызванный кошмаром, приглашающим меня в дом монстра, наполнял меня до краев. И с удивлением понимаю, что в моих глазах тоже стоят слезы. Еще большее удивление мне приносит твердая и костлявая рука мистера Уормкейка в перчатке, сжавшая мою собственную.

– Я рад, что пришли именно вы, – говорит он. – В этом тоже есть своя закономерность. Порядок мира успокаивает тревоги сердца.

Конечно, я польщен.

Но когда дядя Дигби начинает свой рассказ, трудно вспомнить что-то, кроме крови.

* * *

– Сотню лет назад, – говорит детям дядя Дигби, – три маленьких упыря решили погулять. Их звали Уормкейк, Слипвикет и Стабблгат, и они были лучшими друзьями с рождения. Родители разрешали им играть на кладбище после того,

как зайдет солнце и закроют ворота. В ту ночь среди надгробий возились и другие дети, но сегодня речь пойдет только о нашей троице. Другие дети были совершенно обыкновенными, и потому слушать о них совсем неинтересно.

Той ночью, когда дети вылезли на поверхность, произошло два удивительных события. Кто-нибудь знает, что это за события?

Нет? Тогда давайте я вам расскажу. Во-первых, в ту ночь на поверхность их выпустили чуть раньше обычного. На землю опустился полумрак, и упыри могли без страха выползать из своих нор, но детям подниматься на поверхность в такую рань часто запрещалось. Однако в тот вечер Червь послал слово о собрании в склепе – о срочном собрании, на котором следовало провести обряд, именуемый Обрядом Смерти. Детям это название ни о чем не говорило, а на взрослых нагоняло уныние. В тот вечер дети не должны были мешаться под ногами. Конечно, можно спорить о мудрости этого поступка, но упыри по своей природе – замкнутый и спокойный народ, потому никто не предполагал, что может случиться плохое.

Вторым необычным происшествием в ту ночь стала Ярмарка Холодной Воды.

Ее проводили ежегодно в октябре. Традиции следовали долгие годы. Так Хобс Лэндинг праздновал свое родство с Чесапикским заливом и прославлял день, когда Кракен, поднявшийся из пучин залива, хотел уничтожить город, но был повержен смекалкой и сообразительностью жителей. В

ту ночь ярмарка переехала. Привычным местом проведения была северная часть города, и с кладбища ничего не было видно. Но землю выкупили, новому владельцу не понравились расхаживающие по собственности толпы людей, поэтому жителям пришлось устраивать ярмарку у подножия холма.

Маленькие упыри никогда не видели ничего подобного! Представьте, что всю жизнь живете в норах, среди тьмы, камней и холодной земли. Всякий раз, выходя на поверхность, вы видите звезды и их отражение на водной глади, можете рассмотреть огни города, сверкающие будто драгоценные камни. Но ярмарка? Невиданное зрелище! Она походила на яркий мазок краски, переливающийся разными цветами в темной синеве сумрака, в центре которой находилось огромное, украшенное гирляндами колесо обозрения, и в раскачивающихся вагончиках сидели люди.

– Колесо обозрения! – кричит коротко стриженный мальчик, который плакал всего несколько минут назад. И хотя нос его еще красный, в глазах блестят уже не слезы, а нечто иное.

Да-да, колесо обозрения! Они в жизни его не видели. Можете себе представить?

Под ним раскинулась деревенька из пестрых палаток, полнившаяся новыми, удивительными ароматами – сахарной ва-

ты, жареного арахиса, горячего сидра. Веселые крики детей доносились до упырей подобно ветерку из великолепного склепа. И наши чумазые детишки как зачарованные стояли у забора, вцепившись в прутья ручками и втиснув между ними мордочки.

На мгновение им показалось, что все это имеет отношение к Обряду Смерти, о котором только и говорили взрослые.

– Думаешь, они всегда так кричат? – спросил Слипвикет.

– Ну, конечно, – ответил Уормкейк. – Это ведь ярмарка.

Там надо кричать.

На самом деле, дети, он ничего не знал про ярмарку. Но уже тогда ему нравилось умничать.

От этих слов дети смеются. Вероятно, этой шутке не первый год, но я все равно бросаю взгляд на мистера Уормкейка, чтобы увидеть его реакцию; однако фальшивый рот неподвижен.

Слипвикет очень тяжело и грустно вздохнул. Если бы вы слышали этот вздох, вы бы сразу заплакали – столько в нем слышалось грусти. А потом он сказал:

– Как бы я хотел попасть туда, где все только и кричат.

Дядя Дигби разыгрывает целое представление: кладет руки на стеклянный купол головы и произносит слова дро-

жающим голосом, полным печали. На детей уловка производит неизгладимое впечатление.

– Это невозможно, – отвечает Стабблгат. – Нам нельзя выходить за забор.

Стабблгат был самым нудным на свете упырем, во всем видел лишь унылость и неприятности. Он постоянно находился в дурном настроении, вечно жаловался и никогда не хотел пробовать ничего нового. И когда вырос, обязательно стал бы чьим-нибудь отцом – скучнее создания не придумаешь. Иногда друзья хотели избавиться от такого друга, но не могли так поступить. Они были хорошими детками и знали, что нельзя бросать друзей, даже самых-самых скучных.

– Пойдемте, – сказал Стабблгат. – Поиграем в черепушку.

На этих словах дети оживляются, словно через них прошел электрический разряд. Они ерзают на стульях и вскрикивают «Черепушка!» подобно фазанам в кустах ежевики. На их лицах читаются восторг и испуг. Каждый – миниатюрный бурлящий вулкан.

Вот это да! Знаете ли вы, дети, что за игра такая, черепушка?

– Знаем, знаем!

– Я знаю!

– Да-да!

Замечательно! На случай, если кто-то не знает, я расскажу. Черепушка – самая любимая игра упырей на целом свете. Правила таковы: нужно найти черепушку, а затем пинать ее друг другу, пока она не развалится на кусочки. Тот, от чьего удара она развалится, проиграл и должен съесть все, что находится внутри. А что находится внутри черепушки?

– Мозг!

– Фу-у-у!

Вот именно! А мозг, как мы все знаем, это самое невкусное. Он весь липкий от печалей и сожалений, испытанных при жизни, и чем старше мозг, тем противнее на вкус. Обычно, пока проигравший ест, другие игроки танцуют вокруг него и кричат хором. А что они кричат?

– *Поплатился черепушкой! Поплатился черепушкой!* – кричат дети.

Да-да! Еще во время игры нельзя стоять на месте, а тот, кому удастся заставить черепушку отскочить от надгробия к другому игроку, заслуживает восхищения, потому что так она быстрее разобьется. Конечно, можно этого не делать, бить осторожно и бережно. Но разве интересно играть с тру-

сишками? Обычно упыри используют черепашки взрослых, пролежавших в земле меньше года. Но отважные игроки бросают вызов мастерству и выбирают черепашки младенцев.

Тогда одного из них посылают за черепом в склеп, за которым следят кладбищенские садовники. Они всегда припасают черепашку-другую для детей.

Время за игрой пролетало незаметно, и черепашка отскакивала то от дерева, то от надгробия, то от камня. С таким крепким черепом игра обещала длиться очень долго.

Но наш юный мистер Уормкейк быстро заскучал. Он никак не мог выбросить из головы ярмарку, огни, запахи и, прежде всего, крики. Они звенели в ушах и отвлекали от игры. Вскоре он вернулся к забору. К тому времени стемнело, и ярмарка сверкала во тьме, подобно великолепной россыпи грибов.

К нему подошли друзья.

– Ты чего? – спросил Стабблгат. – Мы ведь еще играем. Все думают, что ты струсил.

– Я не струсил, – ответил Уормкейк. И только он произнес эти слова, его охватила решимость. – Я ничего не боюсь. Я пойду на ярмарку.

Слипвикет и Стабблгат, потрясенные, замолчали. Их объяли священный ужас и благоговейный трепет, которые обычно завладевают людьми в церкви. Ничего возмутительнее они в жизни не слышали.

- Нельзя туда ходить, – возразил Стабблгат.
- Почему?
- Потому что нельзя. Там живут люди солнца.
- И что?
- Они противные!

Эта фраза нравится не всем детям. Они морщат свои маленькие лица от возмущения.

Погодите-погодите! Вы должны понять, какими упыри видели людей в то время. Вы казались им очень странными. Представьте город на Луне – вот чем для них был Хобс Лэндинг. Люди ездили верхом на лошадях и разгуливали под солнцем. Причем никто их не заставлял, представляете? Разве кто так делает?

Этим детей удастся задобрить, они начинают хихикать.

А когда люди приходят на кладбище, выглядят грустными и смущенными. Они закапывают своих мертвецов так, как кошки закапывают дерьмо. Все люди мягкие и рыхлые и едят все, что попадется под руку, словно тараканы и крысы.

– Мы не тараканы! – раздается крик.

Конечно нет! Но упыри этого не понимали и боялись вас. Выдумывали про вас страшные истории. Чтобы дети и не ду-

мали, как убежать из нор, – а это было важно, потому что взрослые не хотели, чтобы норы обнаружили люди. Упыри живут под городами людей солнца с тех пор, как те появились на свете, и всегда скрывали свое существование. Они боялись того, что может случиться, если их обнаружат. Разве можно винить их за это?

Но юного мистера Уормкейка не останавливали ни слухи, ни легенды.

– Я иду на ярмарку. Хочу узнать, что в ней особенного.

В те времена ворота кладбища еще не отягощали замки и цепи – была лишь простая щеколда, отполированная и смазанная маслом, которую Уормкейк открыл без усилий. Ворота распахнулись, и, подобно праздничному столу, перед детьми разверзся огромный сверкающий мир. Уормкейк повернулся и посмотрел на своих друзей. Позади, за их спинами, собралась толпа детей, забывших про игру. Их мордочки выражали целую палитру эмоций: от страха и восхищения до неприкрытого отвращения.

– Ну что? – сказал он друзьям. – Струсили, что ли?

Никто не смел называть Слипвикета трусом. Он пересек линию ворот, устроив настоящее зрелище: нарочито высоко поднимал ногу и с силой впечатывал ее в землю. Свое шествие завершил счастливым прыжком, а затем взглянул на Стабблгата, бездействовавшего на кладбищенской земле с перекошенной от волнения мордочкой. Он положил ладошки на широкое пузо и легонько похлопал его, как всегда

делал в минуты сильной тревоги.

В то самое мгновение, когда он замешкался, раздумывая, не вернуться ли и не рассказать ли взрослым о произошедшем, у подножия холма случилось нечто, вызвавшее новый всплеск криков, которые, взлетев в воздух, градом обрушились на упырей. Казалось, Слипвикет всем телом тянулся им навстречу, будто его притягивал огромный магнит. Он взглянул на Стабблгата с жуткой тоской и болью. Сомнения третьего были наконец развеяны, и он прошел через ворота тяжело и крайне неохотно.

За воротами его ждали радостные вопли друзей.

И прежде, чем кто-либо из них успел что-то сказать, бледный маленький упырь Слипвикет бросился бежать вниз по волнам зеленой травы. Не медля ни секунды, двое друзей нырнули за ним в высокую траву, в лунном свете походившую на волнующийся океан. Несомненно, восторг их был молчаливым: причина тому – серьезность совершенного преступления. И Уормкейк сдерживал вопль восторга, бьющийся в легких.

Но то был бунт, настоящий бунт. Они отвергали правила, установленные родителями, и наслаждались нарастающим возбуждением. Даже Стабблгат чувствовал, как оно раскаляет его поросшую мхом душу.

Разумеется, рассказ дяди Дигби пробудил воспоминания о моей первой ярмарке.

Сон Червя я увидел в 1944 году, в двенадцать лет. Ярмарка Холодной Воды не проводилась уже тридцать лет – с тех пор, как случилась та кровопролитная ночь, о которой рассказывает дядя Дигби. А больше Хобс Лэндинг ничего не праздновал. Но в тот год – хотя мы того еще не знали, – на свет появилась новая традиция: Ярмарка Черепушек.

Я был шестым. Я слышал о снах других детей и поэтому понимал, хоть и весьма отстраненно, что он может присниться и мне. О сне было известно одно: родители боялись его до ужаса. Они знали, что это как-то связано с кланом Уормкейков, и этой связи было достаточно для опасений. В 1944 году Уормкейки мирно – по большей части – жили в особняке уже как тридцать лет, но многие жители города считали их воплощением зла. Почти каждый родитель был на той Ярмарке Холодной Воды, и о прощении не могло быть и речи. А тот факт, что Девушка-Орхидея приезжала в город и ходила в те же самые магазины, что и остальные, все только усугублял, насколько я понимаю.

– Посмотрите, какая важная, – говорили все. – Думает, она – одна из нас. У ее мужа хотя бы хватает совести не показываться из своего ужасного древнего особняка.

Я и мои друзья были слишком юны, чтобы обременять себя страхами и предрассудками взрослых. К тому же Девушку-Орхидею мы считали красавицей: когда она приезжала в город, через окна и витрины мы наблюдали, как она гордо шагает по Полар-стрит без свиты слуг или друзей. Она всегда надевала яркое красивое платье, кружившееся вокруг ее ног, закалывала волосы, как полагается, и высоко держала голову. Вспоминая это сейчас, я думаю, что так она бросала всем вызов. Мы пытались разглядеть на ее лице рубцы в местах, где должна была раскрываться кожа, но не могли подобраться близко – никогда не осмеливались.

И верили, что тот, кто женился на Девушке-Орхидее, не может быть ужасным. К тому же мистер Уормкейк всегда приходил на школьные спектакли, зимой приводил своих детей на ледовый каток, а как-то раз устроил самую невероятную вечеринку на Хеллоуин. Правда, половина города проигнорировала приглашение, но дети сумели на нее улизнуть.

Мы слышали про Церковь Червя. Соседние города потихоньку обращались, отрекаясь от старого бога и принимая нового, проникающего сквозь плоть. А некоторые соседи одного возраста с нашими родителями, тоже пережившие ту ночь, даже стали священниками. Они бродили по городу в поношенных белых одеяниях, без умолку болтая о том, что плоть есть мясо, как важно очищать от него кость, и еще о многом, что казалось нам странным, но волнующим. А потому, когда детям Хобс Лэндинга начали сниться сны Червя,

нас это беспокоило гораздо меньше, чем наших родителей, бабушек и дедушек. Поначалу мы даже завидовали. Кристи-не Лоденер, которая всего на год младше меня, сон приснился первой. После нее был малыш Эдди Брах. Они сболтнули об этом в школе, и все узнали. Слухи ползли пугающие, но мы хотели, чтобы досталось и нам. Казалось, их посвятили в тайну, окутывавшую Уормкейков, и те, кто не входил в круг посвященных, умирали от зависти.

Я, наверное, завидовал больше всех и при любой встрече с избранными окатывал их своим презрением, говоря, что упыри проберутся в их дома под покровом ночи, украдут из постелей и скормят своему драгоценному Червю. Я довел Эдди до слез, чему был несказанно рад. Его выбрали, а меня – нет, и я ненавидел его за это.

До тех пор, пока через несколько дней сам не увидел сон. Говорят, что он для всех разный. Мне казалось, что я вижу сон наяву. Я выбрался из постели рано утром, но было еще темно, и родители спали. Спотыкаясь, я направился в уборную; долго сидел на унитазе, ожидая, пока произойдет то, чего от меня настойчиво требовал организм, но оно все никак не происходило. Помню, как слишком серьезно переживал по этому незначительному поводу. Ситуация меня очень пугала, и я воспринял ее как знак того, что скоро умру.

Я вышел из уборной и направился в спальню родителей, чтобы сообщить о приближении моей неминуемой кончины. Тогда, во сне, я знал, что они посмеются надо мной, и воз-

ненавидел их.

А затем почувствовал в животе острую боль, упал на колени, и меня начало тошнить личинками и червями. Их было много. Они не кончались, с каждым болезненным спазмом извергались из меня и шлепались на пол, извиваясь в крови и слюне. Всё шлепались, и шлепались, и шлепались. Когда я смог встать, все тело ощущалось сморщенным, смятым и пустым мешком. Я рухнул на пол и обессиленно пополз обратно в свою комнату.

Утром, как обычно, я спустился к завтраку, и пока папа сутился на кухне, разыскивая ключи и шляпу, а мама стояла, прислонившись к столешнице с сигаретой в руках, я рассказал им, что видел сон, о котором все говорят.

Они оба замерли. Мама посмотрела на меня и спросила:
– Ты уверен, что это тот самый сон? Что ты видел? Что он значит?

– Они устраивают ярмарку. Я должен на нее пойти.

Все было, конечно, странно: я не видел во сне никакой ярмарки. Но знание прочно засело в голове. Таков путь Червя.

– Какая еще ярмарка? – спросил отец. – Нет у нас никаких ярмарок.

– Уормкейки, – ответил я. – Уормкейки устраивают ее в своем особняке.

Родители переглянулись.

– И они пригласили тебя во сне? – спросил отец.

– Не то чтобы пригласили. Червь сказал мне, что я должен

прийти.

— Это повестка, — сказала мама. — Именно об этом говорила Кэрол. Приказ.

— Черта с два, — сказал отец. — Кем они себя возомнили, эти уродцы?

— Я должен пойти, пап.

— Ты ни черта им не должен. Никто из нас не должен.

Я заплакал, потому что не мог и помыслить о том, чтобы проигнорировать сон. А еще потому, что почувствовал знакомый спазм и испугался, что изо рта снова полезут личинки. Мне казалось, они извиваются внутри, прогрызают путь наружу через давно мертвое тело. Я не знал, как донести до родителей то, что знал сам: Червь опустошил меня и предлагал наполнить снова. Отказаться от его предложения значило прожить остаток жизни как пустая телесная оболочка.

Слезы полились градом, омывая покрасневшее лицо, щеки горели, а всхлипы вырывались слабым шипением. Мама бросилась ко мне и крепко обняла, шепча на ухо то, что обычно в таких случаях говорят мамы.

— Я должен туда пойти, — повторял я. — Я должен пойти, должен. Я должен.

* * *

Я смотрю на профили детей, обративших свои маленькие лица к дяде Дигби как подсолнухи к солнцу, и пытаюсь пред-

ставить себя на их месте много лет назад. За окном пылает закат, над заливом сгущается тьма. Свет в стеклянном куполе дяди Дигби освещает зеленый раствор, и его бледное мертвое лицо окружает розовый нимб.

Должно быть, я видел ту же картинку, когда сидел на стуле в окружении других детей. Но этого я не помню. Помню только страх. Скорее всего, я смеялся над шутками, как и все остальные.

Черепушка – это в каком-то смысле вышибалы. Суть игры не в том, чтобы обойти других и наслаждаться победой, а в искусственном отборе.

Похоже, Джонатана Уормкейка история больше не интересует. Его внимание приковано к темнеющей воде за окном. И хотя ее имя еще не прозвучало, образ Девушки Орхидеи тенью навис над всей историей. Интересно, причиняет ли ему это боль? Скорбь для упыря – слабость. Они презирают скорбь. Скорбящим в их мире места нет. Я смотрю на твердый чистый изгиб его черепа и пытаюсь понять, что происходит внутри.

* * *

– Они были смысленными маленькими упырями, – говорит дядя Дигби, – а потому держались в тени. Не хотели, чтобы кто-то их заметил. Если прищуритесь, то вряд ли сможете отличить ребенка упыря от человеческого. Да, это прав-

да, они бледнее, более худые и, присмотревшись, легко заметить, что их глаза похожи на маленькие пустые черные дыры. Но только присмотревшись. А на ярмарке никто не присматривался. Слишком многое нужно было успеть увидеть. Так что Уормкейк и его друзья незаметно проскользнули в толпу и бродили везде, где хотели.

Разноцветные полосатые палатки, небольшие будки с играми, загоны со свиньями и ослами, запахи сахарной ваты, фритюра и навоза – все это было для них ново и удивительно. Но больше всего их поразили пребывавшие в веселом возбуждении люди: они прогуливались по ярмарке, бегали, обнимались, смеялись и хлопали друг друга по плечу. Некоторые даже прижимались друг к другу губами в ужасающем человеческом поцелуе.

Дети заливаются смехом. Он еще слишком юны, и сама идея поцелуя для них нелепа.

На ярмарке было много малышей, таких, как они, и таких, как вы. Они роились словно голодные мухи, бегали от палатки к палатке и стояли в очередях, источая столько дикой энергии, что казалось, вскоре по их волосам побегут разряды.

И видеть людей в таком состоянии было тревожно. Казалось, они всё глубже погружаются в безумие. Ведь упыри привыкли видеть их совсем другими: тихим, покойным ла-

комством в деревянном ящике. Наблюдать за живыми – все равно что наблюдать, как маленький червячок превращается в прекрасную муху, только чуть менее волнительно, поскольку людское зрелище было шумным и уродливым.

Одна малышка поднимает руку. Кажется, она рассердилась. Когда дядя Дигби замечает ее, она говорит:

– Мухи совсем не прекрасные. Они противные.

– А я думаю, что противная ты, – парирует дядя Дигби. – Скоро в твой животик набьются тысячи мух, и они будут откладывать свои яйца и делать личинок, а еще испражняться твоей съеденной плотью, высосав из нее все соки. Так что тебе стоит следить за своим маленьким грязным ртом, дорогая.

Девочка начинает потрясенно рыдать, в то время как другие дети молчат или грустно посмеиваются.

В первый раз, с тех пор как начался рассказ, Уормкейк решает вмешаться.

– Дядя Дигби, – укоряет он.

– Мне очень жаль, – отвечает дядя Дигби. – Милые дети, пожалуйста, простите меня. Сегодня чудесная ночь. Давайте вернемся к нашей истории, хорошо?

Дети молчат. Дядя Дигби продолжает рассказ.

Итак, наши обеспокоенные поведением людей друзья пробрались сквозь толпу. Они знали, что рано или поздно

все люди достигнут своего истинного состояния и встретят долгую тьму земли, но увиденный краткий беспорядочный взрыв жизни породил в душе упырей восхищенный стыд.

– Отвратительно, – сказал Стабблгат. – Нам нельзя на такое смотреть. Это неприлично.

– Я в жизни не видел ничего удивительнее, – сказал юный мастер Уормкейк и с мужеством, которым всегда отличался, зашагал прямо в сердце ярмарки, размахивая руками и вскинув голову, будто самый маленький повелитель червей на свете.

Никто не станет вас винить, если вы подумаете, что кто-нибудь точно должен был заметить его и броситься наутек, или закричать от страха, или броситься за вилами и лопатами. Но людям свойственен самообман. Давайте будем честны, дети. Вы верите, что ваша недолгая любовь с солнцем – единственная и настоящая жизнь. Одна из вас, к примеру, и вовсе расстраивается, задумываясь о красоте мухи. Вы лелаете уютные иллюзии. В тот вечер люди видели в упырях жалких представителей своего вида. Болезненных детей, пораженных таинственным недугом, от которого синеет плоть и на кости натягивается кожа. Бедных созданий, которых можно жалеть и о которых можно переживать, даже если они вызывают легкое отвращение. Потому люди делали вид, что не замечают наших упырей. Они уводили своих чад на безопасное расстояние и продолжали веселье в стенах выстроенного невежества.

Мистер Уормкейк наклоняется ко мне и шепчет в ухо:

– Не совсем. Взрослые не обращали на нас внимания, это верно. Но человеческие дети знали, кто мы есть на самом деле. Они тыкали в нас пальцами и содрогались. Или плакали. Все это было так весело.

*** * ***

Я хотел на ярмарку. Именно это я силился сказать своим родителям, но так и не смог. Да, сам по себе призыв являлся ужасающим, но еще он был откровением, которого я все это время жаждал. Теперь я присоединился к Кристине Лоденер и плаксе Эдди Браху. В ту ночь сон приснился еще двум детям, а к концу недели нас стало четырнадцать. После этого сны прекратились, и все поняли, что выбрали нас. Только нас.

Мы стали избранными, объектом зависти и восхищения. Были и те, кто, подобно мне, не мог вынести зависти, и мы стали жертвами тех же издевательств, которым я ранее подвергал других. Но нас было много, и единство дарило утешение и защиту. Мы вместе обедали и гуляли на выходных. Разница в возрасте – самому младшему шесть, старшему двенадцать – была достаточно большой, и в обычных обстоятельствах мы бы ни за что не стали общаться. Червь все изменил.

Город гудел от разговоров. Не только о четырнадцати из-

бранных детях, но и о ярмарке. За тридцать лет, прошедших с прибытия Уормкейка, Хобс Лэндинг не видел ничего подобного. А потому позволить Уормкейку возродить ярмарку казалось вполне уместным кощунством. На телефонных столбах, витринах магазинов и в библиотеках начали появляться листовки:

«Первая Ежегодная вечеринка Черепушек состоится на территории особняка Уормкейков в последние выходные сентября 1944 года. Ярмарку торжественно откроют Избранные Дети Хобс Лэндинга. Живой Труп приглашает всех вас принять участие в празднике жизни!»

Люди были заинтригованы. Раз мистер Уормкейк использовал свое прозвище, против которого прежде яростно возражал – он, поймите же, совсем не труп, – значить это могло одно: он протягивал жителям Хобс Лэндинга оливковую ветвь. Кто в таком случае откажется? Весь его клан не собирался никуда уезжать. Не разумнее ли попытаться установить дружественные отношения с самой известной семьей в городе?

Мои родители отчаялись. Прознав о моем желании, они строго запретили идти на ярмарку, несмотря на слезы в первый день после сна. Но меня это не беспокоило. Я знал, что Червь поможет мне. Я должен был присутствовать на ярмарке, и Червь сделает все, чтобы так и вышло.

Так оно и вышло. В день открытия Первой Ежегодной Ярмарки Черепушек я направился ко входной двери, ожидая сопротивления. Мои родители сидели в гостиной: мама с опущенной головой обнимала себя, а отец выглядел одновременно испуганным и разъяренным. Они видели, что я ухожу, но не сделали ни малейшего движения, чтобы помешать. Много лет спустя я узнал, что накануне того дня каждый из них получил сон от Червя. Не знаю, что они видели, но точно знаю, что с тех пор ни один родитель не пытался помешать своему избранному чаду.

Сейчас, конечно, такая мысль даже не приходит никому в голову.

– Будь осторожен, – сказала мама прежде, чем я закрыл за собой дверь.

С остальными мы договорились встретиться у аптеки. Как только все собрались, группой двинулись через центр города, мимо кучек любопытных соседей, вверх по дороге, ведущей к особняку у залива.

Солнце клонилось к закату.

* * *

– Сначала они прокатились на колесе обозрения, – сказал дядя Дигби. Из вагончика они рассматривали раскинувшуюся внизу ярмарку, Хобс Лэндинг и свое родное кладбище на холме. Вдали от города, у самого берега, стоял трехэтаж-

ный особняк, который, как считали люди, был давно заброшен и населен призраками. Даже взрослые упыри во время редких ночных вылазок не совались туда. Но то была лишь часть гобелена.

Ярмарка Холодной Воды являлась цветком света на темной земле и была гораздо больше, чем казалась на первый взгляд. Пока кабинка подплывала к пику в прохладе ночного воздуха, Уормкейк замороженно глядел на звезды, которые никогда не видел так близко. Он отыскивал созвездия, которым его учили – вот Салотопный Горшок, а там Заплесневелый Король, – и вытягивал руки над головой, водя по ним пальцами. Кабинка качнулась и поехала вниз, и ему показалось, что пальцы оставляют на небе огненные следы.

– Давайте больше никогда не вернемся домой, – сказал Уормкейк.

Если друзья и слышали его, то не подали виду.

Они не ведали, что прямо под холмом могил их родители вовсю готовились к Обряду Смерти. Заметил ли кто-нибудь пропажу детей? Кто-то ведь должен был. Но мог ли этот кто-то хоть что-то изменить?

* * *

Что же было дальше, дети? О чем вы на самом деле пришли послушать?

Казалось, он бросил зажженную спичку в бочку с петардами. Все дети взрываются разом:

– Шоу уродов!

– Палатка с уродцами!

– Шоу уродов! Шоу уродов!

Дядя Дигби поднимает металлические руки, и из голосового аппарата под куполом раздается смехок. Пузырьки начинают кружить вокруг безжизненной плавающей головы, и на мгновение мне кажется, что в этой невыразительной части его тела я могу распознать искреннюю радость.

Если несколько минут назад в комнате витало напряжение, теперь оно вмиг развеялось благодаря маниакальному волнению, пробудившемуся при упоминании уродцев. Вот про что дети больше всего хотят услышать.

Вот это да, какой сюрприз. А я-то думал, что вам интересно послушать про упырей. Может, вы хотите узнать имена всех взрослых? Или то, как они добывали пищу из гробов? Занимательнейший процесс, скажу я вам.

– He-e-e-et!

Что же. Уродцы так уродцы.

Упыри остановились у палатки в бело-зеленую полоску, с вывеской, под которой сидел сгорбившийся старик. На вывеске красной краской было написано огромное дивное сло-

во: УРОДЦЫ. Старик взглянул на детей пожелтевшими глазами – он стал первым, кто присмотрелся к ним, – и спросил: – Чего стоим? Пришли посмотреть или хотите присоединиться?

Он постучал по вывеске длинным пальцем, заставляя их снова взглянуть на нее. Под словом УРОДЦЫ изящным почерком был выведен список буквами меньшего размера. Он гласил: САМАЯ КРАСИВАЯ РУСАЛКА В МИРЕ, ВЕЛИКАН С ДВУМЯ ЛИЦАМИ и, как вы уже догадались, ДЕВУШКА-ОРХИДЕЯ.

– Проходите, ребята. Смотрите, чтобы вас не оставили там навсегда.

И они встали в очередь. Занавески делили палатку на три комнаты, поэтому люди выстроились в шеренгу. С шестов свисали фонари – вереница огней усеивала крышу палатки.

Первым уродцем стал человек в клетке под два метра ростом и в потрепанных брюках. Выглядел он сонным и глуховатым. Явно давно не брился, отчего борода густой щетиной топорщилась на правой щеке и подбородке. На левой щеке она шла проплешинами, главным образом, потому, что там росло его второе лицо: дряблое и едва сформировавшееся, будто сползшее с головы и собранное на шее. На втором лице виднелся один мигающий голубой глаз, а рядом, там, где надлежало быть второму, красовался нос. Между шеей и плечом зиял большой открытый рот с маленьким языком, который постоянно облизывал потрескавшиеся губы.

Табличка над клеткой гласила: БРУНО, ПОЖИРАТЕЛЬ ДЕТЕЙ.

Упыри зачарованно разглядывали второе лицо, но поедание детей не казалось таким поразительным. Ведь детей они тоже сожрали немало.

Следующей была САМАЯ КРАСИВАЯ РУСАЛКА НА СВЕТЕ. С этим уродцем не повезло, потому что она лежала на самом дне аквариума. Чешуйчатый хвост прижимался к стеклу, так что сначала все подумали, что в аквариуме сидит огромный карп. Только спустя какое-то время они разглядели растущий из хвоста человеческий торс, свернувшийся клубком и скрытый от пристального взгляда посетителей. Это была спина женщины, позвонки выступали из-под смуглой кожи. Длинные черные волосы парили вокруг головы, как чернила осьминога.

Наконец они перешли в следующую комнату и подошли к ДЕВУШКЕ-ОРХИДЕЕ.

Она сидела на помосте в дальнем углу палатки под огромным стеклянным колпаком. Ей было столько же, сколько и вам, дети. На ней было ярко-синее платье. Она сидела, обхватив ноги руками, и злобно смотрела на толпы людей, приходявших на нее поглазеть. Выглядела она очень несчастной, но совсем не походила на уродца. Единственное, что в ней было необычного, – бледно-красные рубцы, спускавшиеся волнистыми линиями по лицу.

Что же, еще одно разочарование, подумали люди, и это их

возмутило. Кто-то начал кричать, в толпе стали раздаваться требования вернуть деньги.

Но все изменилось, как только в комнату вошли Уормкейк и его друзья. Девушка-Орхидея распрямилась, будто услышала или почувствовала что-то необычное. Она встала на ноги и всмотрелась в толпу, где сразу разглядела наших маленьких упырей, будто сверхъестественная сила помогла их отыскать. А затем, дети, случилась самая удивительная вещь на свете. То, что навсегда изменило жизнь упырей, ее собственную жизнь и жизнь всех обитателей Хобс Лэндинга.

Ее лицо раскрылось вдоль красных линий и расцвело яркими белыми, пурпурными и зелеными лепестками. Видите ли, тело девушки оказалось камуфляжем: все увидели, что на самом деле она являлась великолепным цветком, выдающим себя за человека.

Люди закричали и пали перед ней в изумлении. Кто-то бросился бежать без оглядки, словно таракан от солнца.

Уормкейк и его друзья тоже рванули прочь. Они пробирались через толпу обратно в ночь, но бежали не в страхе. Их сжали тиски судьбы. Так, в одночасье, Уормкейк влюбился. Он бежал от ужасной и в то же время прекрасной любви.

* * *

Когда мы прибыли в особняк, нас встретила Девушка-Орхидея, казавшаяся нам неземной. Она была в своем челове-

ческом обличье, и бледные расхолодившиеся полосы рубцов ярко выступали на лице в лучах послеполуденного солнца. Я со стыдом вспомнил одно из многочисленных замечаний матери в ее адрес: «Ей нужно замазать все это косметикой. Она будто попала в автокатастрофу. Выглядит мерзко».

Но нам она казалась пришельцем из другого, лучшего мира.

– Здравствуйте, дети. Добро пожаловать в наш дом. Спасибо, что пришли.

О том, что мы не могли поступить иначе, не было и речи: нельзя отвергнуть предложение Червя. Ее приветствие звучало как приглашение к причастию. Мы знали, что были особенными, и все в Хобс Лэндинге нам завидовали.

Она провела нас в гостиную – ту, где в течение многих лет будут проходить все подобные собрания, – а там нас ждал дядя Дигби и его история. Мы знали его по нескольким дипломатическим выездам в город, так что его присутствие нас успокоило. Девушка-Орхидея присоединилась к мужу, сидящему в стороне, и, взявшись за руки, они слушали историю вместе с нами.

Я сидел рядом с Кристиной Лоденер. Мы были старше всех. Идея влюбленности казалась нам чуждой, но подобралась ближе в тот момент, когда я почувствовал укол ревности, заметив сплетенные пальцы мистера Уормкейка и его жены. Мне казалось, что меня все дальше уносит неумолимым течением и жизнь движется по пути, который приведет

меня к высотам, недоступным в моем тогдашнем положении. Словно я был главным героем книги и начинал первую главу путешествия. Я знал, что Кристина отправится в него вместе со мной, и взглянул на нее, пытаясь понять, чувствует ли она то же, что и я. Мы встретились взглядами, и она улыбнулась мне так ярко, как ни одна девушка ни до, ни после.

Воспоминание об этой улыбке освещало самые темные ночи моей жизни. Но даже сейчас я со стыдом подавляю его. Червь не одобряет сентиментальность.

* * *

– Знаете ли вы, дети, что такое Обряд Смерти? – спрашивает дядя Дигби.

Несколько детей качают головами. Другие застыли, словно боятся ответить или не знают, каким должен быть ответ.

Сто лет назад, в ночь Ярмарки Холодной Воды, упыри под холмом достигли конца своего века. Общество упырей, в отличие от нашего, понимает, когда наступил упадок. Как только приходит осознание, есть два пути – присоединиться к более крупному городу упырей или умереть. Упыри под холмом не смогли найти другой город, а многие вовсе не хотели ни к кому присоединяться. Их маленькое селение про-

стояло сотни лет, жители устали. Червь даровал старейшинам сон о смерти, поэтому Обряд был запущен. Вот что такое Обряд Смерти, дети, – это самоубийство города.

Я, как и вы, не упырь. И никогда не был свидетелем обряда. Но, как и вы, я принадлежу церкви, к коей мистер Уормкейк приобщил весь Хобс Лэндинг, а потому могу себе его вообразить. Мне обряд представляется зрелищем невероятной красоты. Но я рад, что в ту ночь мой друг не остался на холме. Вы знаете, что с ним случилось бы, останься он там?

Он смотрит на девочку, с которой говорил ранее.

Как ты думаешь, дорогая?

Она долго молчит.

– Не знаю. Ничего бы не случилось?

Именно. Тогда бы ничего не случилось. Их бы позвали, и они вернулись бы в дом, как того хотел Стабблгат. Пропустили бы ярмарку. Никогда не встретили Девушку-Орхидею, или милого старину Бруно, или предводительницу стаи русалок. Я бы так и остался замороженной головой в банке в подвале, среди соотечественников. Обряд Смерти уничтожил бы всех упырей с холма, и жители Хобс Лэндинга никогда бы о них не узнали. Ваш маленький городок стал бы очередной нищей рыбацкой деревушкой, медленно растворяющейся в течении времени.

Но вместо этого произошло следующее.

Наши упыри выбежали из палатки, и мысли в их маленьких головах были заняты увиденными необъяснимыми красотами. Казалось, мир, подобно камню жеода, раскололся и явил свою прекрасную сердцевину. Они в восторге стояли посреди толпы, не в состоянии решить, что делать дальше. Слипвикет и Стаблггат хотели отпраздновать это событие. Воспоминание о незаконченной игре в Черепушку всколыхнулось в них с новой силой, а противиться желанию продолжить игру – все равно что противостоять силе гравитации. Все мысли Уормкейка крутились вокруг Девушки-Орхидеи, заточенной в неволю, как принцесса из старых сказок, от которой его отделял лишь тонкий слой стекла и безграничная видовая пропасть.

Хотя они того не ведали, в тот момент в норах Обряд подходил к завершению. Воля упырей стала известна их богу.

Червь обратился к ним в ответ. Не только к детям, но ко всем упырям в городе и под холмом. Ответил пульсом одобрения, бессловесным повелением закончить начатое.

Червь приказал действовать.

Получается, что все произошедшее – чистая случайность. Обряд Смерти не должен был затронуть жителей Хобс Лэндинга. Если бы Уормкейк и его друзья остались дома – там, где им полагалось быть, – приказ Червя заставил бы их уничтожить самих себя. Но дом был далеко. А потому в приказе они слышали разрешение потакать желаниям своего серд-

ца. Так и поступили.

Слипвикет бросился на ближайшего ребенка и за считанные секунды сорвал плоть с его черепа, как кожуру с апельсина. Стабблгат, воодушевленный примером друга, решил присоединиться. Яркие струйки крови взлетали в воздух и проливались на их лица. Они с трудом оторвали скользкий череп от тела. Слипвикет наградил его мощным пинком, и тот подпрыгивая покатился в центр ярмарки.

Уормкейк ворвался в палатку и полосовал маленькими острыми когтями по ногам тех, кто не успевал убраться с пути, разрывая сухожилия, ломая коленные чашечки и оставляя за собой кровавый след из покалеченных людей.

А холм, высившийся над ярмаркой, треснул, словно гнилой плод. Из открывшихся туннелей, из-под ключьев земли и осколков надгробий вылетели духи вымершего города: рой жужжащих ангелов, с сияющими в лунном свете многогранными глазами, щелкающими челюстями и бледными радужными крыльями, гул которых сотрясал воздух.

Люди начали кричать и разбегаться кто куда. Какая сладкая музыка! Будто симфония ужаса. Вот что ожидали услышать Уормкейк и его друзья, когда впервые взглянули на ярмарку у подножия холма, звуки которой до них доносил ветер. Они чувствовали себя великими героями, и музыка лишь подчеркивала грандиозность момента.

Слипвикет и Стабблгат продолжали передавать друг другу первую черепушку, но стоило запустить ее в столб огра-

ды, как она треснула. Им ничего не оставалось, как отправиться за следующей. Так они и поступили, но в этот раз значительно лучше подготовились к будущим разочарованиям: они приготовили целую кучу черепушек про запас.

Уормкейк открыл клетку Бруно и разбил стеклянный купол Девушки-Орхидеи, но не решился разбить аквариум, опасаясь, что убьет русалку. Бруно, с которым та успела подружиться, поднял ее со дна и поспешил к заливу, в котором она исчезла, взмахнув хвостом в знак благодарности. А когда он вернулся на ярмарку, к радости упырей, выяснилось, что пожирателем детей его называли не без причины. Девушка-Орхидея стояла в стороне, за спиной черным дымом в небо взмывали духи кладбища; раскрытые лепестки ловили и отражали лунный свет, делая ее похожей на диковинный фонарь. Уормкейк стоял рядом, и вместе они смотрели на то, как резвятся и веселятся остальные.

Великолепная резня! Крики становились все громче, пока их не обрывала вечная тишина смерти. Люди метались в панике, подобно рою мух вокруг мертвой тушки; трупы валялись на земле в совершенно чудных позах, в которых бы они никогда не поместились в обычные гробы. Наблюдая за тем, как шутивая глупость людей сменяется полным достоинства покоем смерти, Уормкейк верил, что сделал правильный выбор и совершил благородный поступок. Он ощутил гибель своего дома, но, будучи последователем Червя, не испытывал по этому поводу сожалений.

О чем эти двое говорили, пока их окружало цветение смерти? Что же, об этом мне господин Уормкейк ничего не рассказывал. Но разве это мешает мне строить догадки? Две родственные души соединились. Отличные от других, смело встречающие опасности лицом к лицу. Думаю, в друг друге они разглядели себя. В любом случае, когда их разговор подошел к концу, не было никаких сомнений в том, что произойдет дальше.

Девушка-Орхидея первой заметила процессию факелов, тянущуюся из Хобс Лэндинга.

– Мы можем укрыться в особняке, – сказала она. – Туда они не пойдут.

Ну а что из этого вышло, вы знаете, к тому же к сегодняшнему вечеру это не имеет отношения. Девушка-Орхидея оказалась права: жители Хобс-Лэндинга сторонились особняка и не рискнули туда сунуться. Так Уормкейк и его друзья обрели новый дом. Они нашли меня и остальных членов Замороженного Парламента в пыльном подвале; обнаружили гомункула в библиотеке. Вскоре они раскрыли все секреты старого алхимика, некогда жившего в этом доме, и разгадали тайну происхождения Девушки-Орхидеи. А главное – они превратились в настоящую семью. В скором времени даже заключили мир с городом и поладили с жителями.

То была последняя Ярмарка Холодной Воды в Хобс Лэндинге. Четырнадцать погибших детей и новая семья монстров в старом особняке отбили у людей охоту проводить ее

снова. Следующее поколение не застало празднеств. Семейство Уормкейков и жители города относились друг к другу с взаимным подозрением, непониманием и страхом. Лед тронулся, но не растаял.

Лишь тридцать лет спустя, когда отношения между соседями наладились, мистер Уормкейк основал Ярмарку Черепушек. В память о той ночи, когда он впервые прибыл в Хобс Лэндинг, нашел любовь и связал свою жизнь с городом. Так он стал почетным жителем, которого вы сегодня все знаете.

Какая замечательная история, не правда ли, дети?

Теперь мы наконец подошли к тому, зачем Червь вас всех призвал сюда!

* * *

– Столько лжи.

Вот что говорит мне мистер Уормкейк, как только дядя Дигби уводит детей из гостиной. Солнце уже село, и пурпурное небо, казалось, светится изнутри.

– Понимаете, он ведь рассказывает историю детям и опускает некоторые детали. Взять, к примеру, ночь в палатке с уродцами. Толпа, собравшаяся у русалки, поражала свирепостью, в комнате царила дикая ярость. Тогда я еще не знал, что это такое, был ребенком. Но то была темная, похотливая энергия. Животное желание. Люди стучали по аквариуму. Кричали на русалку, проклинали ее. Она свернулась

так, чтобы ее не смогли увидеть нагой, и людей это злило. Я боялся, что они попытаются разбить стекло, чтобы добратся до нее. Думаю, единственное, что их сдерживало, – то, что каннибал Бруно, находившийся в соседней комнате, тоже мог вырваться из своей клетки. Но кто знает?

А та часть, где я вдруг встречаю свою «судьбу»? Когда я встречаю Девушку-Орхидею... Гретхен. Полная чепуха. Какую любовь может испытывать ребенок в таком возрасте? Я был в ужасе. Мы все. Мы только что узнали, что девушка – не девушка, а цветок. Что прикажете об этом думать?

– Мне любопытно, почему вы позволили дяде Дигби звать ее Девушкой-Орхидеей? Вас ведь порядком раздражает это имя.

– Все просто: это ее имя для шоу уродцев. Вам, людям, они так нравятся. Для вас она была лишь Девушкой-Орхидеей, как и я для вас – лишь Живой Труп. А я вовсе не труп. Но когда мы наконец решили осесть, подумали, что будет легче принять имена. Детям они особенно по душе. Так и используем.

– Вам тяжело говорить о ней?

Я пытаюсь отыскать хоть каплю богохульства.

– Нет, – отвечает он, но отводит взгляд.

Свет лампы вырисовывает четкий профиль черепа. Затем он продолжает говорить о ней, а у меня появляется нехорошее предчувствие.

– После таких рассказов может показаться, что она была

принцессой, ждущей спасения. Все это неплохо вписывается в историю, но все же неправда. Да, в ту ночь ее надо было спасти. Но спасти нужно было и Бруно, и русалку. Но разве они тоже стали моей «судьбой»?

Я не знаю, что ему ответить.

– Ложь, ложь, и ничего, кроме лжи. Мы хотели не укрыться в особняке, а вернуться домой. Но когда увидели, как наш дом, преображенный Обрядом Смерти, разливается по небу... нас обьял ужас.

Я качаю головой.

– Вы были детьми. И не можете винить себя за то, что тогда чувствовали.

– Я боялся за родителей.

Я поднял руку, желая остановить его.

– Мистер Уормкейк. Пожалуйста. Я понимаю, что сегодняшняя ночь имеет для вас, гм, большое значение. Бывает, в такие минуты нас посещают нечистые чувства. Но не стоит потакать им, высказывая все вслух.

– Я хотел, чтобы мои родители остались живы. Отец...

– Мистер Уормкейк.

– Я оплакивал их. Прямо там, у всех на виду, я упал на колени и заплакал.

– Мистер Уормкейк, достаточно. Вы должны прекратить.

На этот раз он слушается, отворачивается и устремляет взгляд в окно. Где-то там, в темноте, прячется залив. Свет в гостиной превращает стекло в зеркало, и мы видим свои

парящие отражения, похожие на благородных духов.

– Отведите меня в молельню, – тихо прошу я.

Он долго смотрит на меня, затем поднимается со стула.

– Хорошо, следуйте за мной.

Он толкает небольшую дверь за шахматным столиком, и мы входим в узкий, устланный ковром коридор. От ламп исходит бледный свет. На стенах висят картины, но освещение слишком тусклое, и мы движемся чересчур быстро, чтобы я мог разглядеть детали. Нарисованные лица выглядят высушенными. На одной из картин на диване сидит тело, покрытое паутиной. Другая представляет собой пастораль: курган, окруженный забором из человеческих костей.

В конце коридора ждет еще одна небольшая дверь, ведущая в частную молельню. На пороге меня обдает вонью тухлого мяса. Свечи у алтаря испускают дрожащий свет. На самом алтаре стоит серебряное блюдо, на котором кровоточит кусок плоти, не поддающийся опознанию. Десятки мух носятся туда-сюда, их жужжание давит на перепонки. В стене за алтарем два витражных окна примыкают к окну большего размера, прикрытому тяжелыми шторами. На витражах изображены летающие ангелы с крыльями мух: их рубиновые глаза-фасетки ярко сияют, а члененные лапы раскинуты, словно ангелы возносят благословение или готовятся сойти к мясницкому пиру.

На полу перед алтарем лежит подушка, на столе рядом с ней покоится кирка.

Каждый год Червь призывает на Ярмарку Черепушек четырнадцать детей. Ровно столько, сколько погибло в ночь Ярмарки Холодной Воды сто лет назад, когда Хобс Лэндинг навсегда изменился, сделав своими лидерами монстров и их нового бога. Незачем спрашивать, по какому принципу отбираются дети: по грехам или по добродетелям. Нельзя отвергнуть призыв. Лишь усвоить единственную заповедь, которую Червь дарует снова и снова: все живое есть масса извивающихся личинок, ожидающих перерождения в новую форму, в которой встретят тихую и долгую тьму.

– Церковь учит нас подавлять воспоминания, – говорю я. – Скорбь есть слабость.

– Я знаю, – говорит мистер Уормкейк.

– Ваш брак. Ваша любовь к жене и друзьям. Все это – камни, тянущие вас к земле.

– Я знаю.

– И за них вы поплатитесь своей черепушкой.

Так оно и будет.

– Мне ее не хватает, – говорит он.

Он смотрит на меня пустыми глазницами, говорит со мной чужими губами, но, могу поклясться, впервые за ночь я вижу проблеск чувств, будто пламя свечи вспыхнуло на самом дне бездны.

– Мне ее так не хватает. Я не должен скучать по ней, это богохульство. Но я никак не могу перестать. Я больше не желаю слышать ложь и слушать эти истории. Хочу помнить

все так, как произошло на самом деле. Тогда, на ярмарке, ничего мы в друг друга не разглядели: просто были детьми и боялись того, что может случиться. Стояли на пороге нового мира и боялись сделать шаг. Мы не сказали друг другу ни слова и научились любить гораздо позже, после того, как стали пленниками этого дома. А теперь ее нет, я не знаю, где она, и мне снова страшно. Меня ожидает перерождение, но я не знаю, во что именно, потому что мой дом исчез, когда я был ребенком. Никто ничему меня не научил. Я боюсь того, что со мной произойдет. И скучаю по жене.

Глубина его откровения потрясает меня. Одураченный внешним лоском его имени и истории жизни, я представлял себе, что смерть он встретит с достоинством, присущим положению. Но теперь, когда я стою над этим ничтожным патриархом, мяукающим, подобно брошенному младенцу, меня переполняет отвращение. Я не знаю, откуда оно взялось, но сила чувства меня ужасает.

– Что же, вам этого не положено, – отвечаю я, посадив гнев на цепь. – Это невозможно. Вы не можете скучать по жене.

Он пристально смотрит на меня, затем открывает рот, но я не даю ему сказать – хватаю кусок перезрелой плоти с алтаря и прижимаю к черепу. Холодные ручейки бегут между пальцев и по запястью вниз. Мухи начинают бесноваться, прыгают по моему лицу и норовят заползти в нос.

– Таким ты создал этот мир! Таковы его правила. Ты не

вправе их менять!

Пятьдесят лет назад, когда дядя Дигби закончил свой рассказ и наконец открыл ворота первой Ярмарки Черепушек, мы выбежали в самое ее сердце, где нас окружили огни, а воздух наполнился запахами сладостей и жареных закусок. Страх и надежда вели нас вперед. Мы знали, что позади раскрылась пасть смерти, и чувствовали, как каждая секунда жизни языками огня лизала тела, разжигала и выжигала их до самого духа. Мы услышали, как открылись вторые ворота, и закричали, увидев монстров, бросившихся в яростную погоню: то были дети-каннибалы; собаки, приученные охотиться по ночам; трупные цветы с человеческими телами; скачущие вырожки из лаборатории алхимика. Воздух смердел страхом. Малыш Эдди Брах стоял передо мной; не раздумывая я дернул его за воротник рубашки и повалил на землю, чтобы в следующее мгновение перепрыгнуть через его распростертое тело. Он удивленно заблеял, совсем как в мультике. Когда монстры схватили его, кровь брызнула мне на спину и я радостно и облегченно рассмеялся. Затем я увидел, что Кристина запрыгнула в вагончик на колесе обозрения, и последовал за ней. Мы захлопнули дверь и вместе наблюдали, как мир внизу истекает кровью. Наши сердца раскалились добела, и мы прижимались друг к другу. Откуда-то снизу до нас доносились крики «Поплатился черепушкой! Поплатился черепушкой!», за которыми следовал глухой *хрусть* расколотого черепа. Мы дружно рассмеялись.

Я чувствовал раскаленное пекло жизни и знал, что все обещанное исполнится.

Ту ночь пережили шестеро. Четверо, воодушевившись произошедшим, последовали Приказу. Мы посвятили свою жизнь служению Червю и искали тихого уединения, чтобы подготовить тело и разум к началу разложения. Мы обращали в свою веру других, и нас становилось все больше. Каждый год кто-то из переживших ночь на Ярмарке вступал в наши ряды. Вместе мы направляли Хобс Лэндинг к Червю.

Но сейчас, разглядывая хнычущее у моих ног существо, я ловлю себя на том, что думаю только о Кристине Лоденер, ее глазах цвета океанских глубин и светлых волосах, ниспадающих волной на плечи. Мы были детьми и ничего не знали о любви. По крайней мере, не знал я. И еще долго не понимал, что пустило во мне свои корни, пока она не исчезла из этой жизни; тогда я заперся в подземной церкви и созерцал тление плоти до тех пор, пока всякая надежда на тепло или нежное прикосновение не остыла во мне.

Я так и не узнал, как она прожила свою жизнь. Она не последовала Приказу. Мы прожили этот яркий миг вместе, но вынесли из него совершенно разные уроки.

– Ты называешь все ложью? – спрашиваю я. – Я верил в нее. Верил всем сердцем.

– Гретхен не была ложью. И наша жизнь тоже. Она была великолепна. Ей не нужны прикрасы.

Я вспоминаю, как провел свою неестественно долгую

жизнь в холодных подземных пристанищах. Всю жизнь.

– Но Червь – не ложь.

– Нет. Конечно, не ложь.

– Я должен был умереть. Должен. Я бросил Эдди. Эдди должен был выжить.

Я чувствую, как к глазам начинают подступать слезы, но ни одна не проливается, как бы сильно я этого не хотел. Почему-то мне кажется, что, если бы я заплакал, это бы все исправило. Но я был послушным мальчиком и старался убить скорбь. Теперь, когда она мне наконец нужна, ее недостаточно. Я отдал Червью слишком много.

– Может, и так, – говорит Уормкейк. – Но это уже не имеет никакого значения.

Он поднимается и подходит к окну. Тянет шнур, и занавески раздвигаются. Прекрасный, радужный свет наполняет комнату. За окном, на территории особняка, раскинулась Семидесятая Ежегодная ярмарка Черепушек: кружатся карусели, машинки въезжают на подъем горки, из-под бамперов вылетают электрические разряды. И над всем этим вращается колесо обозрения, излучая в небо желтые, красные и зеленые огни.

Я присоединяюсь к нему.

– Хочу оказаться на ярмарке. – Я прижимаю ладонь к стеклу. – Мне нужен еще один шанс.

– Путь туда тебе закрыт, – отвечает Уормкейк. – Как и мне. Сегодняшний вечер – для них.

Он дергает за фальшивый рот на черепе, обрывая резинку, и бросает его на пол. Язык вываливается подобно отрезанному органу, и мухи жадно облепляют его. Может, ему кажется, что, если он не сможет выразить скорбь, перестанет ее чувствовать.

Вероятно, в этом он прав.

Он забирает у меня из рук усеянный мухами кусок мяса и вгрызается в него. Затем протягивает обратно в знак благоговения. Я вижу его доброту. И принимаю ее, кусая плоть. Таким мы создали этот мир. Слезы заливают глаза, и он касается моей щеки костлявой рукой.

Затем возвращает плоть на алтарь и становится перед ним на колени. Он кладет голову рядом с жужжащим мясом. Я беру в руки кирку и прикладываю острие к черепу, тому месту, где собрались все пороки мира, тянущие его все ниже к земле. Я направляю острие, чтобы запомнить положение, и поднимаю кирку над головой.

– Поплатился черепушкой, – говорю я.

За окном открываются ворота, и дети бешено высыпают на ярмарку. Вон бежит рассерженная девчонка. А вон и коротко стриженный плакса. Мельтешат руки и ноги, одежда развевается подобно знаменам на ветру. Они бегут в сердце толпы, когда из ворот выскакивают монстры. У них есть шанс.

Всего один ничтожный шанс.

Чрево

1

Микс была готова бросить странного старого недоумка: слишком уж он медленный, неуклюжий и громкий. И квартала в Пустом Городе не прошло, как их обнаружил Транспортер, а по опыту она знает, что, даже если хлопнуть в ладоши у них под носом, все равно останешься незамеченной. Ключевое слово здесь, конечно, опыт. Если его нет, то все может очень плохо закончиться. В себе она не сомневалась, но старик мог подставить их обоих.

Потому она пихнула его в нишу, и они, притаившись, ждали, пока тварь, толкающая свою жуткую тачку, не пройдет мимо.

– Устал? – спросила она.

– Нет, не устал, – огрызнулся он. – Идем дальше.

Микс всего семнадцать, и любой, кому перевалило за пятьдесят, казался ей непростительно древним, а мужчина по этим меркам считался настоящей развалиной. Он шустро и без особого труда пробирался по улицам, давно опустевшим и оттого заваленным обломками, но по капелькам пота, выступившим на лбу, было видно, каких усилий ему это стоило. Как бы то ни было, приличный темп для старика – ма-

лая толика скорости, с которой она предпочитала передвигаться по Пустому Городу. Глупо было брать у него деньги, но Микс всегда была глупой девчонкой. Спроси любого.

Они свернули за угол, и последний контрольно-пропускной пункт – маленькая деревянная лачуга с мерцающим фонарем в окне – исчез из вида. Теперь до него как до луны. Темнота выглядывала из разбитых окон зданий, загрозивших небо. Дверные проходы магазинчиков зияли как раскрытые рты. Тротуар покрывала галька разбитого стекла. Тут и там валялись обрывки газет и рваная одежда, а клочья окровавленного мяса усеивали асфальт. Машины встали вдоль тротуаров на последнюю парковку. И все-таки жизнь продолжалась: сновали крысы, тараканы, дикие кошки. Как-то она заметила бредущих по разрушенному району медведицу с медвежатами, и эта сцена показалась ей фрагментом давно забытого сна. Жизнь в городе бурлила. Правда, без людей. Ну, если не считать того, что от них осталось.

– Боже мой, – сказал старик и остановился. Он пробрался к середине дороги, ссутулился, и лицо стало бледным словно у мертвеца. Глаза блуждали по открывшейся картине, пытаюсь связать все воедино. Он выглядел хрупким, одиноким и испуганным и, судя по всему, так себя и чувствовал. Таковыми были ее родители незадолго до конца: они ошеломленно смотрели на то, как мир вокруг превращается во что-то новое и ужасное.

– Это все из-за тебя, – сказал отец, будто она невероятным

образом оказалась причастна к происходящему.

Микс подошла к старику и потянула его за локоть обратно, на относительно безопасный тротуар.

– В голове не укладывается, что это всего в паре кварталов от твоей квартиры, да?

Он сглотнул и кивнул.

– Но послушай меня, хорошо? Ты должен слушаться меня и делать то, что я говорю. Мы не выходим на дорогу и не шумим, а спокойно двигаемся вперед и стараемся не привлекать внимания. Если втянешь нас в неприятности – будешь спасать свою задницу сам, без меня. Понял?

Старик высвободил локоть из хватки. По крайней мере, у него хватило совести смутиться.

– Извини. Я впервые вернулся сюда с тех пор, как уехал. Тогда здесь... Здесь царил хаос. Творилась полная неразбериха.

– Да, понимаю.

Ей совсем не хотелось слушать его историю. Потому что история была у каждого. Трагедии быстро наскучивают.

Пустой Город был вовсе не городом. Раньше здесь находились городские кварталы Флеминг и Южный Кенсингтон, а новое название появилось несколько месяцев назад из-за пустоты. Каждое здание представляло собой оболочку, лишенную человеческого наполнения в результате эвакуации или действий Хирургов. Воздух здесь давно приобрел пепельно-серый оттенок, будто над районом нависла вечная туча,

и он выползал за пределы пораженной территории, в город. Фонари не гасили ни днем, ни ночью, но не здесь. Электричество отключили несколько недель назад. Лишь из нескольких домов лился свет, и любому забредшему казалось, что там, внутри, некий трудяга без устали топит печь и продолжает свою тяжелую работу.

Ее старый дом находился менее чем в сотне метров отсюда. Однажды она вернулась, надеясь, что ничего не почувствует. Но эхо нелюбви звучало повсюду. Отголоски пережитых родителями невзгод, которые обратили их друг против друга и против собственного ребенка, доносились из разбитых окон.

Гибель дома стала его благословением.

– Там, впереди, будет много неприятного. Будет тяжело. Ты готов?

Старик скривился в отвращении:

– Вот уж наставлений от ребенка мне не хватало. Ты даже не представляешь, что я повидал.

– Ну, как скажешь. Только не истери. И не отставай.

Микс не хотелось оставаться в городе после заката. А до него часов пять. У старого недоумка будет куча времени, чтобы найти того, кого он ищет, или, что более вероятно, понять, что искать уже некого.

Тихо, но быстро они продолжали идти по тротуару. Ритмичный скрип несмазанных колес донесся из-за угла; ему вторило несколько тихих голосов, будто хор мальчиков тя-

нул высокую ноту в унисон. Микс выставила руку, чтобы остановить старика. Должно быть, он не заметил и налетел на нее. Рука ощутила худую грудину и птичью хрупкость костей. Раскаяние поднялось из самых глубин души, словно давно засохший источник вернулся к жизни. Она не должна была ввязываться в безумную вылазку. *Глупая девчонка*, как сказал бы ее отец. *Глупая работенка для глупой девчонки*. Вся затея обречена на провал, да и он сам обречен. Следовало отказаться. Все равно потом нашла бы другого клиента. Хотя кому теперь нужен проводник в Пустой Город? Любителям адреналина? С такими точно не избежать проблем. Или религиозным фанатикам и художникам, услышавшим зов некой высшей силы, которая призвала их стать свидетелями происходящего в этом месте? Вторые гораздо хуже первых. Их нарциссизм раздражал по непонятным причинам. Пару недель назад она привела какого-то поэта в самое сердце Города и едва сдержалась, чтобы не ускользнуть, пока он с важным видом что-то яростно строчил в блокноте. Перед искушением устояла с трудом: она хотела проверить, как долго он будет кричать ее имя и как быстро до него доберется Хирург, чтобы убить или пустить тело на другие нужды.

Конечно, она его не оставила, но осознала, что внутри сидит дикий зверь, торжествующий всякий раз, когда природа добирается до самых слабых. Со временем она начала ценить зверя, потому что знала: он поможет ей выжить.

Оттого внезапные угрызения совести стали неожиданным и неприятным сюрпризом. Микс ждала, когда они утихнут.

Из-за угла здания показался нос тачки, затем – груженое тело на медленно вихляющих из стороны в сторону деревянных колесиках. На тачке кучей лежали серые изрубленные туловища – одно с двумя руками, другое и вовсе без, но каждое сохранило голову: закатившиеся глаза обнажали белки с лопнувшими капиллярами, ярко выделявшиеся на фоне серой бледности; из округленных губ исходила та самая совершенная нота, способная душераздирающей красотой тягаться с церковными песнопениями. Затем на дорогу вышло черное, голое, истощенное тело Транспортера, костей и хрящей которого хватало лишь для того, чтобы приводить в движение тачку и себя. Кожа на голове сморщилась, а иссохшая корона черных волос шелестела на ветру как солома. Существо повернуло голову, и второй раз за день они встретились взглядом. Но вдруг Транспортер остановился и наклонился вперед, будто старался запомнить лица или передавал увиденное далекому разуму по телепатическому каналу для нечисти.

Не сводя глаз с Транспортера, Микс протянула руку и схватила старика за запястье:

– Бежим.

Собака исчезла. Как только до Карлоса дошло, гравитация потянула его с удвоенной силой, а старость навалилась так неожиданно и с таким напором, что он приготовился умереть. Уставившись на кухонный пол, он пытался понять, как сильно ушибется при падении. А затем все же вытянул из-за стола стул и рухнул на него. В груди забулрила вселенская скорбь, слишком огромная, чтобы найти свое выражение. Она грозила разорвать его на куски.

Мария, нечесаная рыжевато-коричневая дворняжка с серой мордой и слезящимися глазами, прожила с ним пятнадцать лет. Они доживали век вместе. Карлос никогда не был женат. Он привык к одиночеству; сама идея партнерства вызвала беспокойство и скуку. Может показаться, что он всю жизнь боролся за независимость, но все совсем не так. С возрастом он становился более грубым и холодным, но не потому, что не любил людей, а потому, что не желал терпеть их чудачества. У него имелась своя теория о том, что с возрастом люди, подобно оставленным на солнце пластинкам, скукоживаются, и если так вышло, что рядом не было никого, с кем можно скукожиться на пару, то уже ни с кем не получится состыковаться.

Что ж, он старел рядом с прекрасной дамой Марией, а большего не желал, и больше никто ему был не нужен.

Когда во Флеминге впервые затряслась земля, а ночь наполнилась криками соседей и прохожих, Карлос и Мария встали на защиту квартиры. В тонких руках с пигментными пятнами он держал битую, а Мария, оцетинившись, рычала рядом. Она всегда была кроткой, пугалась гостей и от любого шума пряталась под кроватью, но в тот момент обрела твердость и стояла между ним и дверью, обнажив в оскале желтые зубы, готовая броситься хрупким старым телом на все, что могло прорваться внутрь. Ее поведение даже больше, чем доносящиеся крики, убедило его, что спящего снаружи нечто стоит бояться.

Следующей ночью дверь выбили, квартиру залило светом, и в комнату почти осязаемой силой ворвались приказы, выкрикиваемые мужскими голосами. Мария затряслась и бросилась в атаку со страхом и яростью, пытаясь отбиваться с хриплым лаем, но когда Карлос понял, что за ними пришла группа эвакуации, крепко прижал к себе собаку и начал шепотом ее успокаивать.

– Все хорошо, малышка, все хорошо, красавица. Тише, тише.

Мария успокоилась, но дрожать не перестала. Полицейские, один из которых беззастенчиво рыдал, усадили его в фургон, припаркованный у многоквартирного дома, и, к счастью, ни словом не обмолвились про собаку. Карлос быстро выглянул наружу, чтобы осмотреть улицу, но затем чья-то рука затолкала его и кучку перепуганных соседей в пижамах

обратно и захлопнула дверь. В увиденное верилось с трудом. В квартале от его дома тощий как палка мужчина больше двух метров ростом с жуткой грацией лани пересекал улицу. В свете уличных фонарей он казался невыразительным и расплывчатым силуэтом, порождением детских кошмаров. Меж двух столбов он натягивал тонкий окровавленный пергамент: с одного конца пергамента свисала человеческая рука, прогибающаяся в локте, словно лапа животного, угодившего в капкан.

Он взглянул на соседей, но никого не узнал. В этом не было необходимости: разговоры не клеились.

Затем фургон ожил и рванул к месту, находившемуся всего в двух километрах от дома и окруженному пропускными пунктами, блокпостами и кордонами вооруженных офицеров полиции.

Карлоса и его собаку поселили в крошечную – даже меньше той, в которой они жили, – квартиру в доходном доме вместе с остальными жителями эвакуированного района, которых удалось вывезти. Дом был переполнен, и прибывающие в течение следующих месяцев толпы эвакуированных вызывали у жителей широкий спектр реакций: от сочувствия и возмущения до откровенного гнева. Беженцы отвечали новым соседям той же монетой.

Никто точно не знал, что произошло в Южном Кенсингтоне и Флеминге. Пошли слухи, что шайка детей – то ли бездомных, то ли из банды, то ли еще бог знает откуда – органи-

зовывала платные вылазки в пораженные районы для поиска людей и ценностей, оставленных в спешке, а иногда даже для сопровождения людей до их старых жилищ. Предпринятые в самом начале незначительные попытки пресечения бизнеса не помешали ему расцвести. У Карлоса все это вызывало отвращение: какое бы несчастье ни случилось, всегда найдется тот, кто решит на нем заработать.

И все же, благодаря этим ребятам, они узнали, что районы преобразились и по ним разгуливали странные существа, толкающие тачки и тележки с человеческими останками; что по пустым улицам разносится странная музыка, а высокие фигуры – их стали называть Хирургами – сшивали людей в ужасающие комбинации. Здания опустели, многие стали полностью полыми, будто их вырезали изнутри, не оставив ничего, кроме внешней оболочки. Юные проводники называли это место Пустым Городом, и название прижилось. Это тоже злило Карлоса. У кварталов были свои названия. В них творилась история и жили люди. Места, когда-то принадлежавшие человечеству, не заслуживали глупого названия.

А сейчас над кварталами висела и постепенно разрасталась до близлежащих районов серая бледность. Потому-то люди так быстро смирились с новым положением. Сорняки апатии проросли повсюду. Полиция не разобрала блокпосты, но прекратила присылать офицеров для их охраны, поэтому случаи подростковой разведки резко выросли. Армия так и не пришла. Никто не знал, вызвали ее или нет. Новости

молчали. Казалось, городу снится кошмар, который будет незаметно продолжаться до тех пор, пока город не проснется или не умрет во сне.

Карлос перевел происходящий ужас в фоновый режим. Он умел адаптироваться и потому с легкостью принял новые стесненные обстоятельства. Вокруг стоял шум и хаос, стены были тонкие, но так обстояли дела и в старой квартирке. Звуки утешали. Может, он не жаловал друзей, но человеческая суeta успокаивала. Так бы он и умер, не желая больше, с Марией под боком.

Сразу, еще до того, как выбрался из кровати и увидел открытую входную дверь, он понял, что она сбежала. Ее отсутствие ощущалось дырой в пространстве. Сомнений быть не могло: убежала в старый дом. Карлос точно это знал, но не понимал почему. Неужели что-то взывало к ней оттуда? Или привычка сыграла злую шутку? Неужели старая квартира значила для нее гораздо больше? Сбежав, она совершила предательство. Казалось, в сердце вонзили лопату.

Но это его Мария. А потому он найдет ее. И вернет домой.

* * *

На границе со старым районом царил полный бардак. На контрольно-пропускные пункты больше не присылали полицейских. Подростки-проводники жили в самодельных лачугах, спали на матрасах, вынесенных из заброшенных квар-

тир или пострадавшей зоны, и весь их скарб помещался в коробку, рюкзак или чемодан.

Найти того, кто согласился бы с ним поговорить, удалось не сразу. Карлос понимал, что представляет собой большой риск: старый, медлительный, хрупкий. В конце концов он нашел девчонку с бритой головой, одетую в темно-синюю толстовку и джинсы и называвшую себя Микс. Какое нелепое имя. Зачем они их придумывают? Почему отказываются быть собой? Она изучающе рассматривала три протянутые мятые двадцатки, затем неловко их приняла. Отвернувшись, залезла в коробку рядом со спальным мешком и вытянула портфель с бутылками воды, аптечку и что-то похожее на складной нож. Убирая вещи в портфель, она начала допрос:

– За чем идем?

– За Марией.

Она замерла, повернулась и презрительно уставилась.

– Ты ведь понимаешь, что она мертва?

– Нет. Мы этого не знаем.

– Но ты ведь знаешь, что там творится?

В голове снова всплыл образ высокого мужчины – Хирурга, как он полагал, – растягивающего подергивающийся пергамент из человеческой кожи меж двух фонарей.

– Конечно, – ответил он. – Там Ад.

– Как эту хрень ни назови, ясно одно: живых там нет. По крайней мере, не осталось никого, кого можно спасти.

Внутри забурилась волна нетерпения. Если бы пришлось,

он пошел бы туда один. Терпеть снисходительность девчонки он не намерен.

– Может, мне стоит обратиться к кому-то другому?

– Нет, я проведу тебя. Но ты должен соблюдать мои правила, ясно? Не шуми и не останавливайся. Ни за что не сходи с тротуаров и, по возможности, держись ближе к стенам. Их редко интересуют одиночные бродяги, а вот шумные группы привлекают внимание. Если тебя заметят, стой спокойно. Они просто пройдут мимо.

– А если не пройдут?

– Тогда я что-нибудь придумаю. А ты будешь делать то, что я, мать твою, скажу.

Она дождалась, пока он кивнет, и продолжила:

– Как только мы понимаем, что Мария, или как там ее, мертва, – валим оттуда. В ту же секунду.

– Она жива.

Микс застегнула молнию рюкзака и перекинула его через плечо.

– Ладно. Может, ты считаешь себя супергероем из фильма. Так вот: ты не супергерой, а старик, совершающий ошибку. Так что слушай сюда. Как только я понимаю, что она мертва, я ухожу. Если ты уйдешь со мной, я обещаю вернуть тебя в целости и сохранности. Если ты останешься, то на меня уже не надейся.

– Договорились. Мы можем уже пойти?

– Да, погнали. Где она может быть?

– Дома. Она вернулась домой.

Карлос назвал адрес. Она вздохнула.

– Слушай, старик, это здание выпотрошили. Там внутри ничего нет.

– Она там.

Микс кивнула, отворачиваясь от него, будто заранее признавала свое поражение.

– Как скажешь.

3

Впервые за несколько недель ощутив подступающую панику, Микс резко развернула старика, и они быстро зашагали туда, откуда только что пришли. По-хорошему, следовало бежать со всех ног, но он то ли не мог, то ли не хотел, а затем и вовсе высвободил руку. Ей ничего не стоило оставить его. Зверь внутри взволнованно засуетился.

Он решительно остановился, потирая запястье. В густом сером воздухе за его спиной виднелся Транспортёр, который продолжал разглядывать их глазами без век, излучавшими тусклый желтый свет. Хор расчлененных тел держал ноту. Они и раньше поглядывали на нее, но еще ни один не оставался, чтобы так внимательно рассмотреть. Она подумала о ноже в рюкзаке. Детская игрушка. Какая глупость! Все, что она может, – выпотрошить старика и бросить его тварям, чтобы выиграть время и спастись.

– Куда ты? – спросил он, не пытаясь сбавить голос.

Эхо поскакало по пустой улице и вернулось искаженным отражением.

Ухожу, хотела ответить она. *Мы уходим*. Но вместо этого сказала:

– Придется идти в обход. Не отставай.

Микс – не пустоголовое дитя. Ей заплатили за работу, и она ее сделает. Справится.

– Хорошо, – сказал он, впервые выказывая уважение.

Ускорив шаг, он нагнал ее.

– Я думал, ты решила меня бросить.

– Да пошел ты. Не собираюсь я тебя бросать.

В голосе слышались слезы, Микс злилась на себя. Глупая девчонка – так и есть.

Они прошли к началу квартала, свернули за угол и двинулись по длинному маршруту к нужному адресу. Микс то и дело оглядывалась, будучи уверена, что их преследуют, но Транспортер не показался.

Улицы успели измениться с ее последнего визита пару дней назад. Транспортеры толкали тачки с человеческими останками от одного и того же дома и развозили гниющие груды по всему Пустому Городу, чтобы Хирурги сшивали ужасные, только им понятные комбинации. Через улицу тянулась гирлянда туловищ, подобная той, которую они недавно видели, и каждое тело пело свою ноту; рядом с ними колыхались огромные натянутые куски кожи с отверстиями раз-

ного размера и рисунка, словно кто-то шилом продавил азбуку Морзе; скелетообразные конструкции, созданные из сотен пересобранных людей, выстроились между зданиями в виде громадных неподвижных колес, похожих на шестеренки безумного двигателя. Колеса собирались в спешке: на костях блестела кровь и куски мяса. Существа трудились, их глаза горели как устья печи, а воздух становился холоднее.

Микс остановилась и заглянула за угол здания, которое когда-то было круглосуточной аптекой. Кровь забрызгала окно, и внутри ничего нельзя было рассмотреть. До нужного старику адреса оставалось чуть больше квартала. Его дом находился в эпицентре пострадавшего района. Так близко она еще никогда не подбиралась.

Даже если старику не понравилась ее заминка, он не сказал ни слова. Лишь прислонился к стене и тяжело дышал. Его взгляд затуманился, и Микс не знала, осознаёт ли он происходящее вокруг.

– Ты там как, живой?

– Кажется. Теперь уже сложно сказать. – Он сделал неопределенный жест рукой. – Что это такое?

– Черт, а я откуда знаю? Очередной кошмар, наверное. Ты ведь многое повидал, не узнаешь, что ли?

Когда он не ответил, она спросила:

– Ну, что, увидел, что хотел?

– Ты о чем?

Она указала вперед, на то, что раньше было его домом.

Иссохшие тела Транспортёров входили и выходили из него будто по часам.

– Там никого не осталось, старик. Теперь это гребаный Центральный вокзал.

– Нет. Она там.

На мгновение от ярости Микс лишилась дара речи. Степень его неведения и слепая вера в абсолютно невозможное превратили отчаяние в настоящее безумие. Вероятно, он давно лишился рассудка, и это их погубит. В лучшем случае, они умрут. Зверь внутри зарычал. Она была готова спустить его с цепи.

Плевать на старика – он сам виноват в том, что с ним случится, – она готова сделать то, что раньше не решалась: развернуться и уйти. Любопытство смешалось с ужасом. Да, она всегда с гордостью представляла, как без колебаний так и сделает, если потребуется, но теперь, когда момент настал, она боялась, что после этого ее жизнь уже никогда не будет прежней. Микс прижалась лбом к стене, закрыла глаза и прислушалась к странным звукам, с которыми творилась новая архитектура плоти: великолепные ноты, трепет флагов, глухое гроыхание костей на ветру. Все это напоминало настройку инструментов в школьном оркестре перед концертом. Старик тяжело и быстро дышал рядом, тратя остатки запасов энергии для последнего путешествия.

– Кто эта Мария? Жена? Дочка?

– Нет. Моя собака.

На секунду ей показалось, что он ответил на другом языке. Потребовалось несколько минут, чтобы перевести фразу и понять ее значение. Когда у нее получилось, последний оплот сопротивления рухнул и она рассмеялась. Тихим, почти отчаянным смехом, который невозможно остановить. Прижавшись лицом к каменной стене, Микс смеялась сквозь стиснутые зубы.

Смеялась над бессмыслицей.

– Мария – моя собака, – ошетинился он. – И мой единственный друг. Я верну ее домой.

– У тебя больше нет дома, – ответила Микс.

Смех иссякал, вырываясь рваными вздохами; его место заняла огромная печаль, которая, казалось, не опустилась на нее, а проросла изнутри, как часть тела, печень или селезенка. Наверное, она ненавидела старика, но ощущения не поддавались описанию. Чувство было сложным, ужасным и неизвестным, так что «ненависть» – слишком простое слово для происходившего в душе. Если бы ей довелось любить ребенка, не познавшего горя и все еще верящего в добро, может, это чувство было бы ей знакомо. Но Микс не знала материнства и к тому же ничего не помнила про любовь.

– Собака, – повторила она.

Старик стоял рядом, пока вокруг в настроенном жалкими слугами хаосе резонансов расцветал Ад, и выглядел так, как должен выглядеть увядающий старик, для которого единственной родной душой на свете был домашний питомец.

Пускай дерзит в ответ, сколько заблагорассудится, но в глубине души он знал правду, которая разрушала его, подобно тому, как ветер развеивает песчаную дюну.

Где-то там, в кровавой мешанине костей и плоти, а может, и среди бормочущих лиц, приклеенных к стене слизью из легких Хирургов, были ее родители. Их языки продолжали источать холодную злость, а презрение и неприязнь приводили в движение разорванные мышцы содранных лиц. Она четко и ясно слышала их голоса.

Глупая девчонка.

Да пошли они все к черту.

– Хорошо, – сказала Микс. – Идем искать твою собаку.

4

Девчонка осторожничала, хоть в этом не было необходимости. Что они ему сделают? Смерть ни черта не значит. Даже если они найдут Марию, он не вернется обратно, а значит, ей пора уходить, – но она решила по-другому. Либо живешь долго либо умираешь рано, и жизнь либо что-то значит, либо не значит ничего. Карлос ей не указ.

Стены родного многоквартирного дома слегка выгнулись, будто внутри нарастало давление огромной силы. Оно же, скорее всего, сорвало все двери и выбило окна. Внутри царил сумрак. Дом по периметру обходили три фигуры в темных одеждах, чьи головы были заключены в черные желез-

ные ящики. Они медленно, но целеустремленно продолжали шествие со смиренным терпением монахов. Ведущая фигура держала в левой руке открытую книгу, а правой что-то в ней записывала. Тот, кто шел посередине, размахивал курильницей – темным шаром, из которого валил густой желтый дым. Карлос уловил аромат календулы. Последний держал на шесте отрубленную голову, испускавшую луч света из искривленного рта.

Дождавшись, когда фигуры пройдут, Карлос направился к двери как ни в чем не бывало. Микс окликнула его, но это его не остановило. В тот самый момент, когда он подошел к дверному проему, в него протиснулся пригнувшийся к земле Хирург. И хотя существо бросило на Карлоса любопытный взгляд, оно не стало препятствовать ему и даже не замедлило шага; просто вытянулось во весь рост и пошло прочь, волоча за собой опутанные окровавленными нитями тонкие иголки из костей, которые приходились существу руками. Оно двигалось медленно и лениво, будто по дну океана.

Карлос приготовился зайти внутрь, но Микс удержала его и вбежала первой. Выставив левую руку, она защищала его грудь, пока они двигались вперед; в правой был зажат нож, вынутый из рюкзака, – развернутое лезвие напоминало уродливый серебряный коготь. Для него оставалось загадкой, почему она стала вести себя по-другому, но был благодарен за перемену.

Хотя в здание почти не проникал свет, Карлос сразу по-

нял, что девчонка права: все обширное внутреннее устройство выскоблили, оставив лишь внешние стены, – здание стало похоже на тушку насекомого, из которого паук высосал внутренности. Под ним разверзлась огромная дыра шириной с фундамент. Рваная кровоточащая рана, стенки которой сужались книзу и сходились на глубине тридцати метров во влажной сжатой глотке. Стены и потолок вымазали мясистыми выделениями, на которые приклеили красные органические массы; вся эта картина напоминала корень языка.

Тела жителей, не успевших эвакуироваться, прикрепили к дальней стене густой желтой смолой. Пока они всматривались в лица, одного из них – молодого кассира местного магазина – сняли с места и передали Хирургу для умелой и тщательной обработки: тот четвертовал тело серией тяжелых и ловких ударов. Руки и ноги кассира задергались, а рот раскрылся в изумлении от свежевания тела. Вместо криков и воплей изо рта вырвалась чистая нота, такая же безупречная и неразбавленная, как все звуки мира. От красоты услышанного глаза Карлоса наполнились слезами, а Микс уткнулась лицом в ладони в смирении или молитве; изогнутый нож тускло поблескивал у уха.

– Мария, – позвал Карлос и увидел ее.

Она рылась в куче отбросов в дальнем углу. Морда была грязной, шерсть слиплась и висела комьями. Труженики Ада проходили мимо, не обращая на собаку внимания; они, в свою очередь, тоже не вызывали у нее интереса. Как только

голос Карлоса разнесся по зданию, Мария оживилась, счастливо залаяла, бросилась навстречу и влетела всем телом ему в ноги. Карлос запустил скрюченные пальцы в шерсть, и она благодарно подняла голову. Падая на пол, он не думал о боли или о том, как трудно будет подняться. Мария забралась ему на колени. На мгновение они снова были счастливы.

А затем Карлос подумал: «Ты бросила меня. В самом конце пути. Почему?» Он крепко прижал Марию к груди, зарывшись носом в шерсть. Конечно, ответ был ему известен: сердце всегда отдает больше, чем получает. *Ты не любишь меня так, как люблю тебя я.*

И он простил ее за это. Он не мог не простить.

5

Микс наблюдала за ними на расстоянии, забыв про нож. Она поняла, почувствовала, почему собака вернулась сюда, и, если бы старик оторвался от животного хоть на секунду, тоже почувствовал бы. Едва различимый, но отзывающийся внутри пульсацией голос, доносившийся из огромного горла в земле, призвал Марию. Голос сгущал воздух и отяжелял сердце. Сама земля взывала к ним, суля глину и червей. Микс опустилась неподалеку от старика. Зверь внутри узнал зов, как узнала его Мария, и наконец погрузился в сон. Микс обняла себя, внезапно почувствовав сильный холод.

«Я не глупая», – подумала она.

Голос из горла становился все громче. Он стал ответом на одиночество и призывом к забвению. То была колыбельная Ада, и ее долгая нота тянулась из бездны, просачивалась сквозь окна и двери, со звоном путалась в зарослях кожаного пергамента, приводила в движение костяные шестеренки. Воздух наполнился свистом, треском и грохотом, нота сливалась с хором голосов подвешенных тел, пока весь город не превратился в великую тубу, изливающую в мир печальную красоту. Жажда любви трелью переливалась в груди, добираясь до затаенных в самых глубинах души страхов.

Звон песни нарастал, пока не заполнил небо. Боль растягивала их тела до тех пор, пока они не начали петь. В темных глубинах чрева нечто повернуло свою громадную голову и узрело во всем этом красоту.

Зримая Скверна

Тараканы пребывали в хорошем расположении духа. Не меньше полудюжины попали в сети любви. Они скакали по бутылкам, залезали на кончики дозаторов и замирали там, будто галюнные фигуры на носу корабля; расправляли крылышки и нежно трепетали, заявляя о готовности к спариванию усиками, выводя в воздухе любовные сонеты.

Уилл, бармен на смене, наблюдал за ними, стоя спиной к залу. Он не мог отвернуться. Чувствовал, будто обязан смотреть, хоть вид паразитов вызывал у него первобытное отвращение и жгучее, осязаемое желание бежать. Все тело разом содрогнулось.

Он работал вечерние смены с шести до двух в баре «У Розы» – захудалом кабаке, затерявшемся в лабиринте улиц окраины Нового Орлеана и окруженном прямоугольными домами с накренившимся каркасом и верандами, увешанными карнавальными гирляндами и заставленными пружинными диванами. Внутренняя обстановка бара соответствовала внешнему виду: несколько столов, выстроившихся в ряд подобно тотемам, игровые автоматы с видеопокером, музыкальный автомат и ряд стульев у барной стойки. К несчастью, на тараканов часто накатывала страсть, именно когда Уилл начинал осматривать рабочее место. Такое бывало несколько раз в год, но каждый раз при виде подобного зрелища его

охватывал ужас.

Единственными посетителями были Алисия – двадцативосьмилетняя официантка устричного бара во Французском квартале, давний завсегдатай и лучшая подруга Уилла, – и Джеффри, ее нынешний, который, зная Алисию, вскоре должен был перейти в категорию бывших. В целом симпатичный парень, с длинными ресницами – как раз в ее вкусе, – но все же он не подходил ей от слова совсем. Уилл считал, что парень продержится еще максимум месяц.

– Отвратительная дыра, – фыркнула Алисия.

– Не говори так, детка, – ответил Джеффри. – Обычные жуки.

– Противные жуки, которые хотят потрахаться на моей бутылке ирландского виски.

Уилл не мог не согласиться – это отвратительно.

– Слушай, брат, тебе нужно вызвать дезинсекторов, – сказал Джеффри. – Seriously.

Сколько раз он слышал эти слова? Менялись только проносящиеся мимо люди.

– Конечно. Поговорю с боссом.

– Знаешь, говорят, если видишь одного таракана, значит, за стеной прячется еще сотня.

– Да ну? Так говорят?

Алисия вмешалась:

– Заткнись, Джеффри.

– А ты заткни меня.

Она притянула его и начала страстно целовать. Видимо, этой ночью в баре «У Розы» любовь была повсюду. Джеффри обхватил ее затылок одной рукой, а другой повел по ноге. Он хороший мальчик. Знает, что надо делать.

Уилл дождался, пока таракан освободит бутылку виски, и налил себе порцию. Жители Луизианы считали тараканов символом штата: те шныряли повсюду, поэтому их присутствие не вызывало беспокойства. Сколько ни драй квартиру, они все равно вернутся. А когда их было так много, это значило одно: гнездо. Огромное гнездо в стене или под зданием. Может, даже не одно. В таком случае дезинсекторы вряд ли помогут, придется сносить всю стену или спалить здание дотла, а затем продолжить выжигать землю, пока не доберешься до первозданного гнезда в Аду.

Тараканы носились и издавали тихие щелчки, и по какой-то неведомой причине Уилл был уверен, что стоит ему прислушаться, как их звуки сольются в подобие языка.

Еще через несколько минут тараканы исчезли в щелях, и бутылки снова величественно заблестели. Джеффри запустил руку под рубашку Алисии.

– Без рубашки все напитки бесплатно, – предложил Уилл.

Раскрасневшийся Джеффри разорвал поцелуй. Алисия пригладила волосы и поправила рубашку:

– Мечтать не вредно, мелкий.

– Это точно.

Алисия провела пальцем по барной стойке.

– Шоты. Выставляй. Может, чего и увидишь.

Вероятность мала, но он начал заполнять стопки.

Как и в большинстве круглосуточных заведений Нового Орлеана, в баре былолюдно даже в самую тихую ночь. Большую часть ночной клиентуры составляли трутни сферы услуг вроде Алисии и Джеффри, таксисты, проститутки и одинокие неудачники, скармливающие игровым автоматам свою арендную плату.

Внутри зашли несколько студентов и сели за дальний от бара столик. Через несколько секунд один из них встал и подошел к стойке с заказом. Уилл окинул взглядом всю компанию: три девчонки и два парня, включая того, который делал заказ. Почти наверняка кто-то из них несовершеннолетний. За развлечениями студенты обычно ехали во Французский квартал, но студенческий городок Университета Лойолы находился всего в паре кварталов, так что иногда они заходили к Розе, чтобы спокойно отдохнуть.

– Все совершеннолетние? – спросил Уилл.

Вздыхнув, парень с терпением преследуемого святого показал удостоверение личности. Совершеннолетний чуть меньше месяца.

– Остальные?

– Чувак, мне всю толпу сюда привести, что ли?

Очевидный блеф. Уилл пораскинул мозгами: вторник, смена почти закончилась, да и выручки особой нет. Он решил, что сегодня ему плевать.

– Нет, всё в порядке.

Кто-то кинул монету в музыкальный автомат, и молчание бара нарушил Том Уэйтс. Получив напитки, студенты сгруппировались у стола, спинами отгородившись от мира. Что-то полностью захватило их внимание. Группа вела себя тихо, это приятно удивило Уилла. Все шло своим чередом, пока не пришел Эрик с друзьями и не испортил всем настроение. Их алкотур был в самом разгаре: на бильярдный стол они поставили бутылки пива. Эрик дернул подбородком, приветствуя Уилла, а трое дружков утруждать себя этим не стали.

– Привет, Эрик. Вам что-нибудь налить?

– Пока нет, брат. Благодарю.

Эрик – пучок мускулов и харизмы. А также самый милый парень на свете. Пока трезвый. Стоило ему пригубить, как любое человеческое взаимодействие несло за собой вспышку насилия. Эрик жил в квартире над баром, так что Уиллу часто приходилось видеть его темную сторону в действии.

– Как там Керри? – спросила Алисия, прерывая поток его мыслей.

Уилл пожал плечами, чувствуя безудержный прилив вины.

– Замечательно. Целый день в компьютере, по уши в университетских заданиях. Как и всегда.

– Толковую себе нашел, – оживился Джефффри, вдохновленный разговором. – Слушай, надо как-нибудь собраться всем вместе. Ей нравится футбол? Может, сходим на игру

«Нью-Орлеан Сэйнтс»?

Уилл фыркнул:

– Нет, дружище, не любит она футбол.

Алисия коснулась его руки.

– Но идея-то хорошая. Давайте как-нибудь посидим. Мы давно с ней не виделись. Можем сходить на двойное свидание!

– О боже.

– Не выпендривайся, Уилл. Давай, устрой нам все.

– Хорошо, я предложу ей. Но заранее предупреждаю: у нее сейчас только учеба на уме. Мое имя и то вряд ли вспомнит.

– Устрой, Уилл.

Где-то у бильярдного со звоном разбилась бутылка и раздался приглушенный стон. Все в баре затихли, веселым завываниям Violent Femmes вторило шарканье ботинок и короткие прерывистые вздохи. Эрик сцепился с одним из дружков: обвил руку вокруг его шеи и нанес три быстрых удара по лицу. Парень крепче сжал зазубренное горлышко пивной бутылки и замахнулся, чтоб полоснуть руку Эрика. На грязный линолеум брызнула кровь.

– Твою мать! – крикнул Уилл. – Кто-нибудь, заберите у него чертову бутылку!

Но никто не осмелился приблизиться к парочке. Второй дружок, мускулистый здоровяк в кепке с козырьком назад и непонятной кельтской татуировкой на правой руке, присел

на бильярдный стол и рассмеялся.

– Черт меня подери, – сказал он.

Посетители постоянно устраивали потасовки, а затем выдыхались и успокаивались без помощи посторонних, но разбитая бутылка в корне меняла дело. Уилл набрал 911.

Эрик не выпускал шею парня из захвата. Тот продолжал бить, а потом снова замахнулся и достал бутылкой до самой щеки. Кровь окропила пол, бильярдный стол и лицо парня. Эрик издал пронзительный вопль, будто сигнализировал переход в новое состояние, которое могло превратить бар в боксерский ринг. Градус насилия резко пополз вверх. Казалось, что в дверь вошла любопытная, ведомая жаждой крови сущность.

Словно бесстрашная канарейка, взмывшая в небо, полное ястребов, Джеффри ринулся в атаку. Он бросился на парней, обхватив своими тонкими руками запястье друга Эрика. Налет отеснил троицу к столику, за которым сидели студенты, и под скрежет стульев, звон стаканов и удивленные вопли все вместе полетели на пол.

Алисия что-то закричала, вскочила и побежала к груде тел. Уилл обогнул барную стойку, понимая, что должен был сам разнять парней, и последовал за ней. Из-под клубка тел сверкнула вспышка камеры, словно молния из чрева тучи.

Когда Уилл добежал до места, все уже закончилось. Эрик оседлал парня и наносил серию жестоких ударов по голове, пока кто-то наконец его не оттащил. Дружок Эрика, лишен-

ный оружия, вяло дергался; глаза начали заплывать синяками, а лицо превратилось в кровавое месиво. Похоже, правая рука была сломана. Студенты, сидевшие за столом, обступили место борьбы и наблюдали за происходящим с хладнокровным спокойствием.

Одна из девушек спросила:

– Вы уже вызвали полицию?

– Естественно, я вызвал гребаную полицию.

Она взглянула на друзей и сказала:

– Идем отсюда.

Они исчезли за дверью и растворились в ночи.

Освободившись из чужих рук, Эрик сразу успокоился, будто обрел высокую инертность. Разорванная щека представляла собой жуткое зрелище. Шрам испортит ему лицо. Однако он, казалось, ничего не замечал. Широкие зрачки лихорадочно бегали туда-сюда, но ярость иссякла, поэтому он вернулся к бильярдному столу за оставленным пивом.

– Эрик, – окликнул его Уилл. – Тебе надо в больницу. Срочно.

– Копы уже едут? – чавкаяще спросил он.

– Едут.

– Гребаное ссыкло.

Уилл не знал, кому предназначались эти слова: ему или парню на полу.

– Ладно, погнали, – сказал Эрик и направился к двери.

Дружки последовали за ним, даже не взглянув на повер-

женного товарища.

Уилл, Алисия и Джеффри остались рядом с избитым парнем, который начинал подниматься в сидячее положение так же медленно, как тает лед. Уилл сбегал к бару за тряпкой и дал парню утереться, но тот бессильно держал ее, опустив руку. Тонкая струйка крови текла из рассечений на лице и собиралась в вороте рубашки.

– Ты как, парень?

– Отвали.

– Удачи с копами, урод.

Конечно, легко геройствовать, когда опасность миновала. Уиллу было немного стыдно, но затыкаться он не собирался:

– Только сосунки лезут в драку с бутылкой.

Парень резко встал на ноги, опрокинув стул. Уилл вздрогнул и сделал шаг назад. Но парню до этого не было никакого дела. Он пошатнулся, сориентировался и вышел через дверь в теплый ночной воздух. Втроем они наблюдали, как он медленно шел по неосвещенному тротуару, пока не скрылся за деревьями и припаркованными машинами.

– Что это, черт возьми, было? – спросила Алисия.

Уилл обернулся, чтобы съехидничать насчет Эрика и его дружков, но тут же понял, что вопрос адресован не ему, а Джеффри.

– О чем ты думал?

– Не знаю, – ответил Джеффри. – Действовал инстинктивно.

– Слушай, ты ведь совсем не здоровяк. Могло и тебе прилететь.

– Я знаю. Но у него была бутылка. Ею можно и убить.

Уилл не горел желанием слушать, как Джеффри разыгрывает из себя скромного героя. А вот приложить его головой о стул – да.

– Ты молодчина, – сказал Уилл.

Только потом он заметил, что брызги крови, похожие на магические символы, заляпали вес бар. Кровь была на зеленом сукне бильярдного стола и на полу, залила стулья и собралась лужицей там, где только что лежал парень. А там, где ходил Эрик, остались кровавые штрихи и капли. Еще пятно красовалось на стеклянной двери в том месте, где он ее толкнул. Бар казался странно пустым, словно разворошенное гнездо или опустошенная утроба.

Полиции все еще не было. И это в вечер, мать его, вторника. Чем они заняты?

Следующие двадцать минут они втроем поднимали столы и стулья, старались оттереть столько крови, сколько могли. В углу Уилл нашел смартфон – скорее всего, его обронил кто-то из студентов, когда их повалили на пол. Сунув гаджет в карман, он продолжил уборку.

Покончив с ней, Уилл вернулся за стойку и налил себе виски. Выпил залпом, достал еще два стакана и налил по порции всем.

Они подняли бокалы и чокнулись ободками. Руки Уилла

дрожали.

– За Новый Орлеан! – предложила Алисия.

– За этот гребаный город.

Они выпили.

* * *

Уиллу нравилось возвращаться домой спозаранку. Керри всегда оставляла свет над плитой, и кухня превращалась в островок домашнего уюта: белая плита, пузатый зеленый чайник, клетчатое полотенце для рук, висящее на дверце духовки. Все остальное тонуло в океане безмолвной темноты. Он осторожно опустил ключи на столешницу, достал из холодильника бутылку пива и уселся за кухонный стол. Происшествие в баре отзывалось приглушенным волнением, но теперь мир вокруг казался приятно размытым, как обычно бывает, когда поздним утром нежишься в постели.

Он старался не думать о драке. Полиция явилась, когда Алисия и Джеффри уже ушли и за стойку вышел Дуг, его ночной сменщик. Уилл нетерпеливо потягивал пиво в углу, когда копы вошли бар – не Дерек, его частый клиент, а другие парни, которых он не знал. Взяв у него показания, они бегло осмотрели помещение и уехали, не впечатлившись услышанным. Уилл этому очень обрадовался. Незачем парням в форме ошиваться в баре. Даже припаркованная рядом со зданием ярко-белая в темноте ночи полицейская машина,

сверкающая светоотражающими буквами в свете фар проезжающих машин, могла убить весь бизнес. Уилл покинул пустующий бар, а Дуг, прислонившись к стойке, принялся читать вчерашнюю газету.

Эрик никогда еще не ввязывался в такие серьезные драки. Глубокие порезы заживают медленно. Может, хоть обороты сбавит. В любом случае врачи запрещают пить, пока не заживут швы. Уилл успокоился и пообещал себе провести Эрика и убедиться, что у того хватило ума обратиться в отделение неотложной помощи.

Тревога не утихала, и он, ориентируясь в темноте по памяти, прошел через гостиную и открыл дверь в спальню. Керри спала, сбив от жара покрывало до самых лодыжек. Каждую ночь часть одеяла неизменно оказывалась на полу, но спать с кондиционером она не могла, потому что было слишком холодно. Признав поражение в этом споре, Уилл довольствовался потолочным вентилятором. На ней была футболка и белые макси-трусы, в которых она выглядела одновременно странно и очаровательно. Короткие светлые волосы разметались по подушке, на лице застыло беззащитное невинное выражение глубокого сна. Такой любить ее было легко. Он коснулся ее щеки и убрал прядь волос за ухо.

Уилл постоял в спальне, решая, так ли он устал, чтобы присоединиться к ней, но в ушах звенели отголоски произошедшего. Он вернулся на кухню и достал из холодильника еще одну бутылку пива.

Где-то на расстоянии прозвучала трель – нисходящий поток минорных нот, как в припеве колыбельной. Уилл застыл, выпуская из холодильника морозный воздух. Трель утихла. Он вернулся с пивом за стол и опустился на стул.

Звук повторился, и задний карман брюк завибрировал. В нем лежал оброненный в баре кем-то из студентов телефон. Уилл вытащил его и осмотрел: ярко-желтый смартфон, совсем новый, с блестящими сердечками на задней панели. На заставке стояла фотография какой-то дальневосточной горы со снежной шапкой, сверкающей в солнечном свете. Он провел пальцем по экрану, чтобы активировать дисплей, и увидел уведомление о двух сообщениях.

Замешкавшись на мгновение, он все же щелкнул по экрану. К черту неприкосновенность частной жизни. Не хочешь, чтобы кто-то получал доступ к телефону, – ставь пароль.

Сообщение прислал некто по имени Гарретт:

Кажется, тут кто-то есть.

И еще одно, через две минуты:

Мне страшно.

Уилл отложил телефон и уставился на него. Туман в голове немного рассеялся, сердце громко застучало. Экран горел несколько секунд, затем погас. Уилл растерянно сидел, не зная, как поступить. Где-то в темноте, за пределами маленького островка света, раздалось шуршание. Удирающий таракан. Телефон звякнул и хрипло завибрировал по столу. Новое уведомление:

Оно чувствует меня. Оно пытается заговорить. Пожалуйста, приезжай.

– Что за херня, – прошептал Уилл.

Взяв телефон в руки, он начал листать историю сообщений. Может, это какая-то игра. Студенты вернулись в бар, узнали, что телефон забрали, и теперь издеваются. Кроме новых сообщений, было всего шесть старых. Предложение позаниматься домашкой, приглашение на кофе – ничего интересного или похожего на последние жуткие просьбы.

Точно розыгрыш. Он написал ответ:

Завтра вечером в баре можешь забрать свой телефон. Я выхожу на смену в шесть.

Прошло несколько минут, и Уилл понял, что ответа не будет. Сделав последний глоток пива, он решил, что пора наконец пойти к Керри. Таракан шмыгнул за шкаф, но привычное отвращение заглушили усталость и раздражение, вызванные событиями ночи. Мысли постоянно возвращались к Джеффри. Снова и снова. К тому моменту, когда он бросился в пекло и этим, возможно, склонил чашу весов в пользу Эрика. А взгляд Алисии... Она сказала, что очень разозлилась, и, может, так оно и было, но в ее глазах горел огонь, не похожий на огонь ярости. Уилл почувствовал себя ничтожным.

Телефон снова звякнул, и он вздрогнул.

– Да чтоб тебя, – обратился он к устройству и наклонился, чтобы прочитать сообщение.

Тина?

Он вздохнул и вопреки здравому смыслу снова принялся писать ответ:

Это не Тина, тупица. Я нашел ее телефон.

Стоило нажать «Отправить», как его настигли угрызения совести. Откуда такая враждебность? Может, этот парень и правда ничего не знает.

Ты кто? Мне нужна Тина.

Она оставила телефон в баре. Я бармен. Скажи ей, чтобы забрала его завтра вечером. И хватит уже валять дурака.

Уилл поставил телефон на беззвучный режим и положил его на кухонное полотенце, чтобы приглушить вибрацию. Во мраке кухни телефон светился веселой желтой кляксой. Остатки пива должны были утопить все снующие в голове воспоминания, но мысли о Джефффри и Алисии упрямо лезли в голову. Он представил их сплетением покрытых испариной конечностей. Что-то темное перевернулось внутри, и стыд отозвался покалыванием на коже.

Шорох усилился: таракан вынырнул на открытое место и замер, осознав свою ошибку. Усики скользили по воздуху, будто паразит пытался осознать серьезность положения. Незачем пытаться убить таракана, он в любом случае успеет улизнуть. Вместо этого Уилл предупредительно топнул ногой. Даже внезапная дрожь мира не заставила таракана шевельнуться.

Телефон на полотенце тихо завибрировал. Уилл не обратил на него внимания. Лишь поднялся из-за стола, тихо звякнул пустыми бутылками, убирая их в мусорное ведро, и отправился в кровать. Таракан исчез под холодильником. На кухне воцарились тишина, порядок и чистота.

* * *

Когда он проснулся, Керри уже встала; запахи кофе и жареного бекона выпутывали его из объятий небытия. Он наслаждался сладким блаженным туманом полусна, прислушивался к шагам Керри на кухне и мелодии, которую она тихо напевала, и ощутил прилив благодарности за такую прекрасную жизнь. Должно быть, сейчас Эрик мучительно просыпается в своей мрачной лачуге с лицом, покрытым коркой крови. Зажмурившись, Уилл потянулся на прохладных простынях, испытывая извращенную радость от этой мысли.

Наконец звон тарелок о столешницу поднял его с постели.

На Керри была все та же футболка, длинные стройные ноги отливали золотом в утреннем свете. Он подошел к ней со спины, уже полностью возбужденный, обнял и прижался всем телом, зарываясь носом в волосы.

– Доброе утро, красавица.

Она замерла, улыбнулась и положила голову ему на плечо, обнажив шею, которую он послушно поцеловал. Постыдная ревность к Алисии осколком воспоминания пронзила разум.

Он сдул ее как пепел.

– Доброе утро. – Керри завела руку за спину и через ткань трусов обхватила пальцами его член. – Думала, пропустишь завтрак.

– Ни за что.

– Сейчас омлет сгорит.

Уилл отпустил ее, не скрывая разочарования. Она сжала его пальцами в последний раз, а затем бросилась спасать омлет на плите. Прошаркав к кофейнику, он налил себе кружку.

– Чей это телефон?

Уилл напрягся. Тон был беззаботным, но за ним чувствовалось что-то неприятное.

– Какой-то девчонки, – ответил он. – Она забыла его в баре.

– И ты принес его домой?

– Забыл, что убрал в карман. У нас вчера подрались двое. Она уронила, а я не сразу заметил.

Керри соскребла омлет на тарелки, сняла со сковородки пропитанный жиром бекон, и они уселись за стол. Завтрак проходил в умиротворенной, как ему показалось, тишине.

– Алисия со своим новым бойфрендом тоже была? – спросила Керри через какое-то время.

– Да. Они хотят вытащить нас на двойное свидание.

– Ужасная идея.

– Вот и я так думаю. Может, еще кого привлечь и устроить

тройное свидание. Или массовое свидание.

– Звучит как массовое убийство.

– Так и я о чем.

Керри потянулась через стол и придвинула к себе телефон. Уилл ощутил необъяснимую тревогу.

– Что ты делаешь?

– Пытаюсь узнать, чей это телефон, глупышка. А что, мне нельзя посмотреть? Боишься, что-нибудь найду?

– Нет. С чего ты взяла?

– Не знаю.

– Я сказал тебе правду, Керри.

– Я знаю. Я тебе верю.

Подозрение распустило ядовитые лепестки. Но они никогда не признаются друг другу, что ощутили повисшее напряжение. Уилл встал, подошел к помойному ведру и выкинул с тарелки остатки завтрака. Если Керри это задело, она не подала виду. Его жест она восприняла как сигнал к действию и приступила к расследованию.

Уилл наливал вторую чашку кофе, когда Кэрри вскрикнула.

Она бросила телефон на стол и оттолкнула его от себя.

– Твою мать, – сказала она.

Затем снова взяла его в руки.

– С кем, черт возьми, ты вчера разговаривал?

– Ты о чем? В чем дело?

– Ты с кем-то вчера переписывался.

Слова прозвучали обвинением. Он уже собирался огрызнуться, но она повернула экран, на котором виднелись два последних сообщения, появившиеся после того, как он выключил звук.

Первое:

ПОЖАЛУЙСТА.

А во втором, отправленном через десять минут, была фотография. Уилл прищурился, но ничего не мог разобрать, поэтому взял из ее рук телефон и поднес ближе к глазам. По внутренностям прокатился холодок. На фотографии оказалась полудюжина окровавленных зубов, сложенных в кучку на деревянной поверхности, похожей на стол. Бóльшая часть корней была сломана, будто зубы вырвали силой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.